

АЛКЕЙ
И
САФФ

В ПЕРЕВОДЕ

ВЯЧЕСЛАВА
ИВАНОВА

ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ (ПУШКИНСКИЙ ДОМ)
РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

АЛКЕЙ и САФФО

Собрание
песен и лирических отрывков
в переводе
размерами подлинников

Вячеслава Иванова

Третье, переработанное издание

Издательство имени Н. И. Новикова
Санкт-Петербург
2019

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Федерального агентства по печати и массовым коммуникациям
в рамках реализации Федеральной целевой программы «Культура России»
(2012–2018 годы)

Научная редакция, составление, вступительная статья и текстология
К. Ю. Лаппо-Данилевского

Комментарии и статья *С. А. Завьялова*

А50 Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова со вступительным очерком его же. Третье, переработанное издание / науч. редакция, сост., вступ. статья и текстология К. Ю. Лаппо-Данилевского; комментарии С. А. Завьялова. — СПб.: Издательство имени Н. И. Новикова, 2018. — LXIV, 396 с., ил.

ISBN 978-5-87990-134-3

Первая комментированная публикация стихов Алкея и Сафо (VII–VI вв. до н. э.), классиков древнегреческой литературы, в переводе Вячеслава Иванова (1866–1949), крупнейшего поэта-символиста и одной из ключевых фигур русского Серебряного века. Новаторская передача Вяч. Ивановым особенностей античного стиха определила технику русских переводов древней поэзии на столетие вперед. Издание снабжено обстоятельным предисловием и обширным научным аппаратом, одна из задач которого — познакомить читателя с особенностями античной метрики.

ISBN 978-5-87990-134-3

© Лаппо-Данилевский Константин Юрьевич, составление, вступ. статья, текстология, 2018

© Завьялов Сергей Александрович, статья, комментарии, 2018

© Издательство имени Н. И. Новикова, 2018

Переводы Вячеслава Иванова из Алкея и Сафо

Выход в 1914 году из печати первого издания книги «Алкей и Сафо: Собрание песен и лирических отрывков в переводе размерами подлинников Вячеслава Иванова» заслуженно расценивается исследователями и как важная веха творческого пути поэта, и как значительное событие в истории переводческого искусства в России. В следующем, 1915 году Вяч. Иванов выпустил второе издание книги, дополнив ее отделом «Новые песни и лирические отрывки Алкея и Сафо, по текстам оксиринских папирусов, обнаруженным во время печатания книги». Именно этот томик стал на многие годы одной из наиболее ярких и цельных манифестаций переводческого метода Вяч. Иванова и залогом его высокого авторитета в этой области. При этом нельзя не пожалеть, что разговор об «Алкее и Сафо», начатый рецензентами книги (В. Я. Брюсов, В. Ф. Ходасевич, М. А. Кузмин, В. В. Вересаев, Э. В. Диль и А. А. Захаров) после выхода из печати двух первых ее изданий, не был продолжен, а их отзывы *de facto* выпали из поля зрения ценителей поэзии. Так, в научной литературе последнего времени можно по пальцам перечесть случаи, когда была сделана попытка более или менее полно охарактеризовать значение «Алкея и Сафо».

Так, Д. Л. Бургин видит в переводе Вяч. Иванова прежде всего реконструкторские кунштюки и филологические упражнения по вторжению в подлинник, при котором произведения Сафо

утратили и грацию, и свой естественный облик.¹ При этом исследовательница далека от того, чтобы отрицать влияние ивановских переложений на одну из своих любимых героинь — Софию Парнок² (ранее указывалось на их релевантность лишь для творчества столь крупной фигуры Серебряного века, как Осип Мандельштам, в связи с чем затрагивались непосредственные отклики на «Алкея и Сафо» в его оригинальных стихах).³

Пристальный анализ отдельных переводов Вяч. Иванова из Пиндара и Алкея позволил С. А. Завьялову в сравнительно недавней статье «Вячеслав Иванов — переводчик греческой лирики» рассмотреть ряд существенных особенностей переводческого метода Вяч. Иванова и охарактеризовать его значение для рецепции древней поэзии в XX столетии. По мнению Завьялова, почти в течение восьмидесяти лет, с 1899 по 1980 год, ивановские переводы греческих лириков «были ориентиром для передачи по-русски наиболее изысканной в формальном отношении части античного поэтического наследия», образцом «античности, транскрибированной на язык Серебряного века», эстетическая влияние которого ощущается в современной культуре по сей день.⁴

¹ *Burgin D. L. The Deconstruction of Sappho Stolz: Some Russian Abuses and Uses of the Tenth Muse // Engendering Slavic literatures / ed. by Pamela Chester & Sibelan Forrester. Bloomington & Indianapolis, 1996. P. 25.*

² *Бургин Д. Л. София Парнок. Жизнь и творчество русской Сафо / пер. с англ. С. И. Сивак. СПб., 1999. С. 154 и далее. Именно чтение Сафо в переводе Вяч. Иванова в феврале 1915 года стало импульсом к написанию первых стихов Парнок, обращенных к Марине Цветаевой.*

³ *Тарановский К. Ф. Пчелы и осы в поэзии Мандельштама. К вопросу о влиянии Вячеслава Иванова на Мандельштама // To Honor Roman Jakobson. Essays on the Occasion of his Seventieth Birthday 11 October 1966. The Hague; Paris, 1967. Vol. 3. P. 1973–1995; Левинтон Г. А. «На каменных отрогах Пизерии...» Мандельштама: Материалы к анализу // Russian Literature. 1977. Vol. 5. № 2. P. 123–170; № 3. P. 201–237.*

⁴ *Завьялов, 2009. С. 175.*

Первое издание «Алкея и Сафо»
и отклики на него

Прежде чем обратиться к отзывам современников о первом издании «Алкея и Сафо», имеет смысл вкратце изложить предысторию этой книги. Она такова: в 1910–1912 годах Вяч. Иванов в связи с преподаванием на курсах Н. П. Раева стал набрасывать переводы ряда стихотворений античных авторов — главным образом для нужд обучения. В конце февраля 1912 года Вяч. Иванов показал их М. О. Гершензону, ненадолго приехавшему в Петербург, и тот способствовал знакомству с ними М. В. Сабашникова, который планировал под редакцией Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера издать антологию греческих лириков; уже в середине марта 1912 года Сабашников приобрел у Вяч. Иванова 298 строк стихотворных переводов из греческих поэтов (их число было значительно пополнено присылкой в декабре 1912 года). 5 февраля 1913 года Сабашников сообщил Вяч. Иванову из Москвы, что «сборник греческих лириков» пущен в набор; к письму он приложил составленный В. О. Нилендером перечень новонайденных стихотворений Сапфо, которые просил перевести из книги Э. Диля «*Supplementum lyricum*», второе издание которой вышло в 1910 году. В случае скорого доставления переводов Сабашников выражал желание выпустить «еще и отдельную книжку вещей Саффо».⁵ 10 марта 1913 года Сабашников уведомлял о том, что набранный уже сборник приостановлен в ожидании переводов Сапфо, обещанных Вяч. Ивановым.⁶ Об их получении и спешной отдаче в печать для публикации «в сборнике греческих лириков» издатель известил поэта 2 апреля 1913 года.⁷

Почему антология древнегреческой поэзии все же не была опубликована в издательстве Сабашниковых весной 1913 года, остается неясным. Думается, во время личных встреч Сабашникова

⁵ РГБ. Ф. 109. Карт. 34. Ед. хр. 3. Л. 15–15 об.

⁶ Там же. Карт. 34. Ед. хр. 3. Л. 16.

⁷ Там же. Л. 17.

с Вяч. Ивановым 4 и 5 мая 1913 года в Риме,⁸ поэту удалось привести ряд доводов в пользу не столь скорого печатания книги, и, возможно, он взял на себя ряд дополнительных обязательств, связанных с переводами из греческой лирики (работа над антологией продолжалась и в 1913, и в 1914 годах). Думается также, что именно во время этой встречи в Риме издание «Алкея и Сафо» отдельной книгой было обговорено в деталях, так что для Вяч. Иванова этот проект стал приоритетным. К началу 1914 года работа над «Алкеем и Сафо» была завершена; в феврале и марте Вяч. Иванов уже трудился над корректурами.⁹ Увлеченность этим замыслом — во многом альтернативным к антологии, собиравшейся Коршем и Нилендером, — понятна: в отдельном томике переводов из Алкея и Сафо Вяч. Иванов мог без оглядки на составителей реализовать свои новаторские принципы перевода древней поэзии.¹⁰

⁸ Об этих встречах узнаем из письма М. М. Замятниной к Л. В. Ивановой от 21 апреля (5 мая) 1913 года: «Вячеслав уже встал и ушел к Сабашникову, который остановился в Hotel Eden. Вчера вечером около 9 ч. мы сидим еще за ужином, звонок, супруг уже пришел раньше, и мы говорим: кто это звонит? к нам некому. Вдруг слышим голос по-русски (открывала Лаура): Вяч<еслав> Ив<анович> дома? Вячеслав вышел, оказался Сабашников — его издатель. Ну, он просидел весь вечер, сначала вместе в столовой, потом у Вяч<еслава> в кабинете. Вяч<еслав> сказал ему, что переезжает в Москву. Это появление Сабашникова было как бы приветом Москвы нашему переезду, для устранения колебаний Вячеслава» (РГБ. Ф. 109. Карт. 19. Ед. хр. 52. Л. 38–38 об.). 21 апреля (4 мая) 1913 года помечено обязательство Вяч. Иванова перевести в течение двух лет трагедии Эсхила, «некоторые» стихи Сафо и «Новую жизнь» Данте, которое он, видимо, на следующий день вручил М. С. Сабашникову. Ср. приписку к нему: «Получил авансом 600 (шестьсот) итал<ьянских> лир. Рим 22 апр<еля> / 5 мая 1913. Вяч. Иванов». (РГБ. Ф. 261. Карт. 4. Ед. хр. 7. Л. 2).

⁹ Ср. письма секретаря издательства Сабашниковых к Вяч. Иванову: РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 37. Л. 7–9.

¹⁰ Об этом подробнее: *Лаппо-Данилевский К. Ю.* Переводы Вяч. Иванова, предназначавшиеся для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера // *Русская литература.* 2014. № 1. С. 178–205. В связи с различными переводческими проектами издательства М. и С. Сабашниковых, в которых участвовал Вяч. Иванов, см.: *Котрелев Н. В.*

За несколько месяцев до выхода книги в свет Вяч. Иванов побывал в Петербурге, где 23 января 1914 года прочел доклад о поэзии Алкея и Сафо и свои переводы из эолийских лириков в «Обществе поэтов».¹¹ Не будет поэтому преувеличением утверждение о том, что в литературных кругах обеих столиц о скором напечатании «Алкея и Сафо» было хорошо известно¹² и что многими ее появление ожидалось.

Материалы к истории серии «Памятники мировой литературы» издательства М. и С. Сабашниковых (переводы Вяч. Иванова из древнегреческих лириков, Эхила, Петрарки) // Книга в системе международных культурных связей: Сб. науч. трудов. М., 1990. С. 127–150; *Ермакова Л. Л.* Трагедии Эхила в переводе Вяч. Иванова: эдиционные проблемы // Русская литература. 2015. № 2. С. 212–230; *Александров А. С.* «Лири Новалиса» Вяч. Иванова: история создания, трансформация замысла, источники, проблемы эдиции // Reosiahag (Cheongju). 2017. Февр. № 14. С. 179–201.

¹¹ В программе «Общества поэтов» выступление было заявлено следующим образом: «1914. 23 января. Доклад Вяч. Иванова об Алкее и Сафо с чтением переводов сохранившихся от них стихотворений и отрывков <...> Чтение стихотворений Вячеслава Иванова» (цит. по: Письма Александра Блока. Л., 1925. С. 212–213; ср.: *Блок А. А.* Записные книжки. 1901–1920 / сост., подгот. текста, предисл. и примеч. В. Н. Орлова. М., 1965. С. 203). После выступления состоялся обед у Н. В. Недоброво (см.: Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966) / сост., подгот. текста К. Н. Суворовой; вступ. статья Э. Г. Герштейн. М.; Torino, 1996. С. 661). С некоторым запозданием это событие было освещено в печати: «Недавно, проездом из Москвы, Вячеслав Иванов, кроме своей официальной публичной лекции об „искусстве“, сделал доклад в „Обществе поэтов“, так называемой „Физе“. <...> В этом обществе Вяч. Иванов прочел доклад об Алкее и Сафо и читал сохранившиеся от них стихи в своих безукоризненных и певучих переводах. <...> Заключил он вечер чтением своих стихов» (*Т. Ш[енфельд]*. Письма из Петербурга. II // Музы (Киев). 1914. № 4. 15 февр. С. 9). Сведения о первых, крайне насыщенных днях пребывания Вяч. Иванова в Петербурге, куда он приехал 19 января, см. в письме М. М. Замятиной к В. К. Шварсалон от 25 января 1914 года (РГБ. Ф. 109. Карт. 20. Ед. хр. 5. Л. 3 об.–4 об.).

¹² Так, П. Б. Струве, на выступлениях Вяч. Иванова, по-видимому, не присутствовавший, уже 23 января обратился к поэту с просьбой предоставить для публикации в «Русской мысли» «лекцию об искусстве» и «доклад о Сафо и Алкее» (Там же. Карт. 35. Ед. хр. 6. Л. 17).

Первое издание «Алкея и Сафо» вышло из печати в июне 1914 года¹³ и сразу привлекло внимание и ученых, и литераторов; в том же году в периодике было опубликовано в общей сложности пять откликов.

В. Я. Брюсов, В. Ф. Ходасевич и М. А. Кузмин, представители литературного цеха, в своих весьма кратких отзывах рассматривали «Алкея и Сафо» как событие современной им литературы и как еще одну манифестацию архаизирующей поэтики Вяч. Иванова. Когда Брюсов и Кузмин учились в гимназии, греческий еще входил в программу обязательного обучения (оба были старше Ходасевича более чем на десять лет). Но они, равно как и Ходасевич, сколько-нибудь последовательно переложений Иванова с оригиналами не соотносят. Их похвалы собственно переводу звучат поэтому весьма обобщенно: они основаны скорее на утвердившейся репутации Вяч. Иванова как знатока античности, чем на анализе его конкретных переводческих решений.

Это особенно заметно в начальных строках рецензии Ходасевича, где отдается должное художественному успеху Вяч. Иванова:

«Перевод Вячеслава Иванова равно обрадует как специалистов-филологов, так и просто любителей поэзии. Первым дает он перевод всего, что в наследии обоих поэтов доступно переложению по состоянию фрагментов, вторым — целый ряд истинно поэтических произведений. Сделанные на основании авторитетных текстов,

¹³ В «Книжной летописи» АС₁ значится в «Перечне книг, поступивших с 19-го по 26 июня 1914»; цена книги составляла 1 р. 25 к., а тираж — 2000 экземпляров (Книжная летопись. 1914. № 25. 28 июня. С. 1). АС₂ указано в «Перечне книг, поступивших с 28-го апреля по 12 мая 1915»; цена — 1 р. 25 к., тираж — 1400 экземпляров (Книжная летопись. 1915. № 19. 16 мая. С. 1). Книга хорошо продавалась, о чем можно заключить из письма секретаря издательства Сабашниковых к Вяч. Иванову от 15 января 1915 года: он сообщал, что к тому времени в наличии осталось лишь 20 экземпляров «Алкея и Сафо», и просил ускорить печатание «дополнения», то есть переводов новооткрытых текстов (РГБ. Ф. 109. Карт. 26. Ед. хр. 37. Л. 10).

размерами, близко передающими подлинные греческие размеры, переводы Вячеслава Иванова наряду с точностью блещут самостоятельными художественными красотами».¹⁴

Структура книги не находит у Ходасевича понимания — отдавая должное «удавшимся поэту опытам реставрации некоторых стихотворений, дошедших до нас в слишком кратких фрагментах», он полагает, что «их правильнее было бы отнести к примечаниям, а в основном тексте поместить лишь перевод соответствующих отрывков».

Наиболее серьезный упрек Ходасевича — «руссификация подлинника в духе народной русской поэзии»: «Такие выражения, как: „Аль кого другого?“, „У меня ли девочка есть“, „Пир горой“, „Свадебку мы сыграли“, вообще неприятно встречать в переводах, особенно — с греческого». Все же в заключение своего отзыва Ходасевич признает книгу «в общем прекрасной».

Столь же скоро, как и Ходасевич, на книгу откликнулся Брюсов в приложении к петербургской газете «День». Высоко оценивая серию сабашниковского издательства «Памятники мировой литературы», Брюсов называет «Алкея и Сафо» «особенно удачным томом», а Вяч. Иванова — тем, в ком «счастливо соединились знания поэта и филолога». Заслугу поэта Брюсов видит в том, что из разрозненных фрагментов и не полностью сохранившихся оригиналов тот создает «художественные перлы». Отмечая близость к подлиннику «всех переводов», Брюсов подчеркивает, что Вяч. Иванову удастся «сохранить античные размеры» и найти им «точные эквиваленты в русском стихотворении». Легкий упрек за использование «несколько неуместных, может быть, выражений в духе русской народной поэзии» (в качестве примеров приведены: «У меня ли девочка», «тоска-кручина», «аль») тотчас же релятивизируется утверждением, что «лирика Алкея и Сафо выросла из поэзии народной», а потому

¹⁴ Ходасевич, 1914. С. 5.

подобное решение переводчика вполне обоснованно.¹⁵ Через несколько месяцев в «Известиях Московского литературно-художественного кружка» появился еще один, весьма краткий отклик Брюсова на «Алкея и Сафо», повторявший мысли более пространного.¹⁶ На деле отношение к переводам Вяч. Иванова из Алкея и Сафо у Брюсова было куда более критичным, как выясняется из мемуаров В. В. Вересаева (об этом ниже).

Импрессионистический отзыв Кузмина — любопытный эпизод в истории многолетних сближений и взаимоотталкиваний двух поэтов. Кузмин, по-видимому, не обращался к оригиналам Алкея и Сафо, что, скорее всего, и предопределило отсутствие сколько-нибудь внятного обсуждения стиховедческой проблематики в его отзыве; факт, конечно, весьма примечательный, если учесть версификационную искушенность этого поэта. Отдавая должное «благородному и крепкому стиху» и «подлинному духу античности», восхищаясь «простонародною нежностью некоторых песенок Сафо», Кузмин никак не развивает этих замечаний.

При этом Кузмин склонен рассматривать язык переводов из Алкея и Сафо прежде всего как зрелую манифестацию идиолекта Вяч. Иванова, «теперь соединившего былую крепость „Кормчих звезд“ с таинственной нежностью, почти простотою „Нежной тайны“», — со всеми сильными и слабыми сторонами его стиля.¹⁷

Насмешку Кузмина вызывает выражение «щекот славий» в пятой строфе гимна Аполлону, открывающего книгу (этот текст Алкея был «воссоздан» Вяч. Ивановым на основании его пересказа Гимерием и одного сохранившегося стиха). Редкое словечко «щекот» (также в его архаизированном написании «щокот») со значением

¹⁵ Отклики. Бесплатное приложение к № 158 газеты «День». 1914. № 23. С. 6.

¹⁶ Известия Московского литературно-художественного кружка. 1914. Вып. 7. Сент. С. 46.

¹⁷ *Кузмин*, 1914. С. 235.

«стрекотание, пение» находим у Даля; «славий» — то есть соловьиный. Само же словосочетание отсылает нас к описанию наступающего утра в «Слове о полку Игореве»: «Щекоть славий успе, говорь галичь убудися» (на источник цитаты уже неоднократно указывалось в научной литературе). Думается, Кузмин не распознал эту аллюзию, ибо тогда он обрушился бы не на неуместное с его точки зрения выражение, а на сам прием анахронистического словоупотребления у Вяч. Иванова.

Подобно Ходасевичу, Кузмин оказывается нечувствителен к актуализованной в «Алкее и Сафо» поэтике фрагмента, он возражает против включения отрывков в основной корпус книги: «Исследователь прочтет их в надлежащем месте, а любитель будет только недоумевать». По его мнению, «отрывков можно было бы и не давать». Учитывая то, что лирическое наследие Сафо дошло до нас в отрывках (Вяч. Иванову и его современникам было известно в полном виде лишь одно ее стихотворение), с этим предложением нелегко согласиться.

В отзыве Кузмина чувствуется крайнее раздражение тем, что Вяч. Иванов якобы проигнорировал гомоэротическую ауру, сопутствовавшую в течение столетий имени Сафо.¹⁸ Его возмущает

¹⁸ Сходной была реакция П. С. Соловьевой, высказанная в частном письме: «...видели Вы „Алкея и Сафо“ в переводе Вяч. Иванова и со вступительным очерком его же? Это великолепно! Вячеслав реабилитирует Сафо!!! <...> Он говорит, что Сафо была верною супругой какого-то богача и добродетельной матерью белокурой девочки. Зачем же, спрашивается, было ей в таком случае воспевать любовь к женщинам да так воспевать, что 20 столетий люди дивились ее гению и никому не пришло в голову осуждать ее за порочность. Впервые это пришло в лоснящуюся, розоволосую дьявольскую голову Вячеслава. От негодования я просто могу лопнуть! Вячеслав, *оправдывающий* Сафо! Как бы плюнула ему в лицо Лидия, его умершая жена, если бы она была на земле. *Теперь* она, конечно, все поняла и все простила. Но я еще здесь и плюю духовно в лоснящуюся физиономию!» (Соловьева П. С. Письмо к А. М. Калмыковой от 30 июня / 13 июля 1914 года // РГАЛИ. Ф. 258. Оп. 3. Ед. хр. 126. Л. 28 об., 29 об.; цит. по: Обатнин Г. В. Записки комментатора // Новое литературное обозрение. 1994. № 10. С. 294).

способность увидеть в Саффо «буржуазную мать», «институтскую „синявку“ или женщину-профессора», а также стремление вольно или невольно «поколебать поэтическую легенду». Был ли справедлив этот упрек Кузмина? Скорее нет, чем да. Чтобы убедиться в этом, достаточно обратиться к пассажиру в предисловии Вяч. Иванова к «Алкею и Саффо», который рецензент имеет в виду.

Да, на первый взгляд, Вяч. Иванов в нем ведет речь об античном «институте-„монастыре“ для благородных девиц», выпускницам которого, получавшим здесь «утонченное образование» и совершенствовавшимся в музыке и поэзии, была суждена будущность добродетельных матерей.¹⁹ Но если быть более внимательным, становится явным, что не в последнюю очередь Вяч. Иванов говорит и о мистике, овевавшей это религиозное сообщество, и о том, что перед исполнением семейных обязанностей девушкам из благородных семей было даровано краткое время упоения «музыкальными и поэтическими занятиями, домашними забавами и увеселениями, часто принимавшими вид интимных пиршеств», служением Музам и Афродите. Вяч. Иванов при этом отнюдь не замалчивает гомоэротический характер отношений, возникавших или даже доминировавших в этой общине, и вполне открыто пишет об «отчасти условном, а порою и глубоко подлинном эротизме, соединявшем содружество крепкою связью сентиментальной привязанности».²⁰ Если же обратиться к ивановским переводам

¹⁹ Д. Л. Бургин утверждает, что в этом пункте Вяч. Иванов повторяет «теорию Вилламовица» (то есть полностью отрицает гомоэротические отношения между Саффо и ее ученицами; ср. следующее примеч.). См.: *Бургин Д. Л.* София Парнок. С. 231.

²⁰ Этот аспект в дореволюционной России отнюдь не замалчивался, как о том можно заключить, например, по «Энциклопедическому словарю» Брокгауза и Ефрона: «Лесбийская любовь — форма извращения полового чувства, неестественное влечение женщины к женщине же. Получила название от ос-ва Лесбоса; в древней Греции вообще была довольно распространена. По преданию, Л. любовью страдала Сафо» (Энциклопедический словарь. Издатели Ф. А. Брокгауз (Лейпциг) и И. А. Ефрон (С.-Петербург). Т. XVII^А (34). Ледье–Лопарев.

из Сафо и соотнести их с оригиналами, то явственным будет даже сгущение гомоэротических намеков, как, например, в трех стихотворениях с идентичным названием «К подругам»: их оригиналы крайне плохо сохранились, и потому Вяч. Иванов мог дать волю своей фантазии.

Заключительные строки рецензии амбивалентны. Кузмин сетует, что «только на очень внимательный глаз заметна разница между Алкеем и Сафо, разница так тонко отмеченная в предисловии переводчиком». Книга для него, таким образом, в первую очередь явление литературы начала XX века, еще одно свершение Иванова-поэта, результат современного, глубоко индивидуального, и, со всей очевидностью, довольно произвольного прочтения древних текстов.

Заслуживает упоминания и комплиментарный стихотворный отклик на «Алкея и Сафо», долгое время остававшийся в рукописи. Это стихотворение Ю. Н. Верховского «Вячеславу» («О, вожатый мой, за тобою следом...»; написано в ночь на 19 июля 1914 года), состоящее из двух сапфических строф.²¹ Недавно напечатанный набросок записки Вяч. Иванова Верховскому (публикатор убедительно датирует ее промежутком между 11 и 26 ноября 1914 года) содержит отклик на стихотворение Верховского и, что весьма важно, указание на неприятие какими-то — достаточно, по-видимому, многочисленными — оппонентами логоэдической передачи древних метров: «Спасибо за твои стихи. Сапфические строфы меня радуют — прямо

СПб., 1896. С. 590). При переиздании переработанной версии этого справочника почти двадцать лет спустя статья приобрела следующий вид: «Лесбийская любовь — форма извращения полового чувства, неестественное влечение женщины к женщине же. Получила название от ос-ва Лесбоса, на котором будто бы она была распространена. О неправильности этого мнения см. Wilamowitz, „Sappho und Simonides“ (1913), стр. 70 сл.» (Новый энциклопедический словарь. Т. 24. Ламберт–Лубоеды. [1915]. С. 411).

²¹ Впервые опубликовано в статье: *Лавров А. В.* Дружеские послания Вячеслава Иванова и Юрия Верховского // Вячеслав Иванов — Петербург — мировая культура. Томск; М., 2003. С. 219.

как оправдание: вражда против „античных размеров“ вокруг шипит и хотела бы²² ужалить».²³

Под шипением Вяч. Иванов, скорее всего, имел в виду, помимо каких-то устных кривотолков, статью К. Э. Гриневича «Versus Sapphicus», опубликованную незадолго до того в журнале «Гермес».²⁴ Большинство авторов этого журнала отстаивало идею силлабо-тонических переложений, хотя в «Гермесе» были нередки и «эквиритмические» переводы античной поэзии.

Собственно рецензией статья «Versus Sapphicus» не была, что подчеркнул сам Гриневич («Я пишу здесь не рецензию на переводы г. Вячеслава Иванова»). Куда важнее ему было изложить свои общие представления о принципах переложения античных строф силлабо-тоническими размерами с обязательной рифмовкой.

Лишь следующий критический абзац Гриневич посвящает книге переводов Вяч. Иванова из Алкея и Сапфо, лежащей у него на столе: «Автор как будто нарочито забывает, что переводит он с *греческого* языка на *русский*. Забывает особенности этих двух языков и, не стесняясь их фонетической разницей, пересаживает без изменений на русский язык экзотическое растение».²⁵ Далее Гриневич перепечатал в статье стихотворение Сапфо «Любовь» («Мнится мне: как боги, блажен и волен...») в переводе Вяч. Иванова, а вслед

²² Написано над зачеркнутым: *пытается*.

²³ *Обатнин Г. В.* Из архивных разысканий о Вяч. Иванове // Русская литература. 2014. № 2. С. 269.

²⁴ *Гриневич К.* Versus Sapphicus (о переводах с античных языков) // Гермес. 1914. № 15/16. Окт. С. 420–428. Ср. также «Возражение г. Гриневичу» С. Шольце (Там же. № 17/18. Ноябрь. С. 450–452). Константин Эдуардович Гриневич (1891–1970), позднее видный историк и археолог, в 1910–1915 годах был студентом историко-филологического факультета Харьковского университета. Судя по всему, он был лично знаком с Вяч. Ивановым, в архиве которого сохранилось три письма Гриневича из Петербурга и Харькова (РГБ. Ф. 109. Карт. 17. Ед. хр. 27). В письме от 10 мая 1912 года имеется акростих Гриневича, посвященный Иванову.

²⁵ *Гриневич К.* Versus Sapphicus (о переводах с античных языков). С. 423–424.

за ним — то же произведение в силлабо-тоническом рифмованном переводе А. П. Рудакова²⁶ (которому и отдал предпочтение).

Первая рецензия из лагеря филологов-классиков принадлежала перу Эриха Васильевича Диль (1890–1952), ученика Ф. Ф. Зелинского, одного из организаторов экскурсии в Грецию в 1910 году (в ней приняла участие и Вера Шварсалон).²⁷ Окончив в 1913 году историко-филологический факультет Петербургского университета по отделению древних языков, он был оставлен по кафедре классической филологии. В 1916–1917 годах Диль был приват-доцентом Петроградского университета.²⁸

Диль начинает свою рецензию на AC_1 с утверждения о «крупном значении этого перевода для русской поэзии и, в частности, для классической филологии». Единство книги, по его мнению, выразилось и в ее структуре, и в том, что «индивидуальность эолийских лириков не исчезла», и в том, что «в каждом слове чувствуется индивидуальность переводчика».²⁹ Со знанием дела Диль анализирует несколько образцов «мастерской» передачи Ивановым античных метров — на примере знаменитого «нома Терпандра», VI/X фрагмента Алкея, XIII/XXI отрывка Сапфо.³⁰ Диль отмечает лишь один случай «отступления от античной формы» — перевод

²⁶ Впервые опубликован: Гермес. 1914. № 5. 1 марта. С. 162.

²⁷ Диль Э. В. Экскурсия в Грецию летом 1910 года под руководством профессора Ф. Ф. Зелинского. СПб.: Тип. В. Д. Смирнова, 1911. Дневник В. К. Шварсалон, который она вела во время этой поездки, сохранился: РГБ. Ф. 109. Карт. 47. Ед. хр. 30.

²⁸ С 1917-го по 1922 год Диль преподавал в Томском университете, с 1922-го работал в Латвийском университете в Риге (доцент; с 1939 года — профессор). В 1941 году Диль начал преподавание в Познанском университете (с марта 1942-го по январь 1945-го — профессор); вступил в НСДАП. С декабря 1947 года преподавал в Йенском университете (с 1951-го — профессор). См. подробнее: *Moldt D. Erich Diehl — Lebensbild eines deutschen Altphilologen // Hyperboreus: Studia classica. 2004. Vol. 10. Fasc. 1/2. P. 161–170.*

²⁹ Диль, 1914. С. 461.

³⁰ Здесь и далее первый номер отсылает к AC_2 , а второй — AC_3 .

в предисловии народной песенки о мельнице рифмованными стихами. Не соглашаясь изредка с переводом Иванова, Диль ставит и куда более важный вопрос — о допустимости неоговоренных конъектур, произвольного дополнения текста фрагментов, развития их образов и «воссоздания» лирических ситуаций по усмотрению перелагателя. Этот путь Диль в целом не отвергает, хотя и вынужден констатировать неудачу Иванова при работе с LXXII/CVI фрагментом Саффо: Иванову увиделось здесь описание пиршества, тогда как более поздняя папирусная находка дала понять, что речь шла о перечислении добычи, захваченной Гектором в Фивах.

Викентий Викентьевич Вересаев (1867–1945) чувствовал себя скорее соперником Вяч. Иванова, чем независимым экспертом. Свою рецензию он опубликовал в канун выхода из печати в 1915 году отдельными книжками собственных переводов из Архилоха и Саффо.³¹ Пройдя сходный путь, он, как никто иной, осознавал возникавшие перед Ивановым сложности и мог оценить решения, которые были приняты его соперником. Он не скрывает своего восхищения версификационным мастерством Вяч. Иванова — его сапфические и асклеиадовы строфы Вересаев называет «безупречными»; как «изумительнейший стихотворный *tour de force*» оценивает передачу восходящих иоников Алкея в № XXVII/XXXV. При этом его неприятие вызывает стилистика перевода Вяч. Иванова, не имеющая аналогий в подлиннике:

«Причудливая смесь торжественно-архаических, вновь сочиненных и простонародных слов и выражений составляет

³¹ *Архилох*. Стихотворения и фрагменты / перевел с греч. размерами подлинника В. Вересаев; с вступ. статьей переводчика. М., 1915. (Древне-эллинические поэты; Вып. 1); *Сафо*. Стихотворения и фрагменты / перевел с греч. размерами подлинника В. Вересаев; с вступ. статьей переводчика. М., 1915. (Древне-эллинические поэты; Вып. 2). Обе книги вышли в свет почти одновременно: первая из них была представлена в «Книжную летопись» между 26 февраля и 4 марта; вторая — между 11 и 18 марта 1915 года (Книжная летопись. 1915. № 10. 7 марта. С. 2. № 5998; Там же. № 12. 19 марта. С. 11. № 7648).

характерную особенность собственной поэзии Вячеслава Иванова, но несколько не характерна ни для Алкея, ни для Сафо. Их язык — обыкновенный, современный им разговорный язык, лишь с очень незначительными следами влияния эпической поэзии, с одной стороны, народной песни, — с другой. Читая переводы г. Иванова, всякий скажет: „сразу видно, что это — Вячеслав Иванов“. Было бы много лучше, если бы можно было сказать: „сразу видно, что это — Алкей и Сафо“». ³²

Столь же неприятелы для Вересаева методы работы Иванова-переводчика, претендующего не только на передачу смыслов и метров, но одновременно и на толкование, и на филологическую критику. Догадаться о его приемах может лишь весьма искушенный читатель, которому необходимо обратиться к авторитетным изданиям подлинников перелагаемых стихов, найти их исходные отрывки, понять, каким образом Вяч. Иванов объединил их друг с другом, и лишь затем обратиться к оценке перевода.

Интересные подробности об отношении Брюсова к переводческому кредо Вересаева узнаем из мемуаров последнего. В 1914–1915 годах Брюсов и Вересаев нередко виделись на заседаниях Московского литературно-художественного кружка и возобновленных «Сред» Н. Д. Телешова, а особенная близость между ними возникла как раз в связи с обсуждением сложностей, преодолеваемых при обращении к древнегреческой поэзии:

«Я в то время изучал эллинскую поэзию и религию, стал переводить Сафо, Архилоха, Симонида, Гомеровы гимны. Однажды на собрании „Новой среды“ прочел перевод Гомерова гимна „К Пану“ и несколько пьес Сафо. При первой после этого встрече Брюсов взволнованно-радостно подошел ко мне.

— Вы читали на „Среде“ переводы из греческих поэтов. Я ужасно жалел, что не был. Если бы знал, обязательно бы пришел.

³² *Вересаев, 1915. С. 390–391.*

И просил дать ему прочесть. Я, конечно, с радостью дал и просил с совершенною откровенностью высказаться о переводах. Брюсов прочел очень внимательно, сверяя с подлинниками, дал много ценных указаний. С той поры у нас с ним на этой почве создалась своеобразная близость. Часто, сойдясь в кружке, мы часами беседовали о размерах античных и современных, о возможности перенесения античных размеров в русский стихотворный язык, о стихотворной технике, о рифме».³³

Судя по всему, лишь один раз речь у Брюсова с Вересаевым зашла о переводах Вяч. Иванова из Алкея и Саффо. Устный отзыв Брюсова, донесенный до нас его собеседником, заставляет усомниться в искренности его откликов, опубликованных в периодике:

«Иногда слышал я от Брюсова мнения, поражавшие в его устах своею неожиданностью. Однажды он резко-насмешливо отозвался о переводах Вячеслава Иванова, которые хвалил в печатных рецензиях».³⁴

Второе издание «Алкея и Сафо» и его филологическая критика

Второе издание «Алкея и Сафо» вышло из печати в апреле 1915 года, а первая из рецензий на него, принадлежащая перу Э. Дилия, была напечатана в февральском номере «Журнала Министерства народного просвещения» за 1916 год. Титульный лист

³³ *Вересаев В.* Литературные портреты / сост., вступ. статья и коммент. Ю. Фохт-Бабушкина. М., 2000. С. 423 (очерк «В. Я. Брюсов»). Сам Брюсов в 1914 году сделал два перевода из лирики Саффо, вступив таким образом в соревнование и с Вяч. Ивановым, и с Вересаевым. Вместе с двумя другими его переводами из Саффо они были впервые опубликованы в кн.: *Брюсов В. Я.* Опыты по метрике и ритмике, по евфонии и созвучиям, по строфике и формам: (Стихи 1912–1918 г.). М., 1918 (раздел «Из песен Саффо (античные ритмы)»).

³⁴ *Вересаев В.* Литературные портреты. С. 424.

второго издания в сравнении с первым не был никоим образом изменен (на нем осталась сбивающая с толку дата: 1914).³⁵ Большая часть книги (до с. 203) была перепечатана без изменений; к ней прибавился раздел «Новые песни и лирические отрывки Алкея и Сафо, по текстам оксиринхских папирусов, обнаруженным во время печатания книги» (с. 205–237).³⁶ Его составили десять стихотворных текстов Алкея и двенадцать Сафо. Одно из произведений Сафо оказалось представлено дважды: одной строкой в основном тексте книги под № LXXII и в приложении отрывком эпифаламы «Свадьба Гектора и Андромахи»³⁷ (стих, процитированный Афинеем, «разросся» благодаря папирусу до двадцати-строчного фрагмента). В связи с тем, что корпус текстов вырос, существенно увеличились и примечания. В АС₁ их всего пять: одно к Алкею и четыре к Сафо. В АС₂ их уже девятнадцать: шесть к Алкею и тринадцать к Сафо.

В текст пояснений, замыкающих собственно примечания, был внесен абзац, выразивший переводческое кредо Вяч. Иванова и ставший в известной степени ответом критикам АС₁. Вяч. Иванов подчеркивал, что «верховная цель» поэтического перевода — «создать музыкальный эквивалент подлинника» и что «дословная близость подстрочной передачи» должна быть возмещена верностью истолкования.³⁸

³⁵ В продажу второе издание книги «Алкей и Сафо» поступило в самом конце апреля или начале мая 1915 года, тираж составил 1400 экземпляров. Об этом см. подробнее в примеч. 13.

³⁶ Чуть ниже здесь же было указано издание, из которого были почерпнуты неизвестные ранее тексты: «The Oxyrhynchus Papyri, part X, London 1914».

³⁷ И в основном тексте, и в содержании номер дан с опечаткой — LXXXa (правильно: LXXIIa).

³⁸ Сходные мысли на сущность перевода Вяч. Иванов выражал неоднократно, наиболее полно сформулировав их в письме к Э. К. Метнеру от 4 марта 1932 года в ответ на предложение перевести на немецкий стихотворения Баратынского и Тютчева: «Нет, дорогой друг, не все равно — сказать свое или чужое даже на родном языке поэта: я хочу сказать, что перевод вообще бесконечно

* * *

Почти одновременное обращение к лирике лесбосской поэтессы Вяч. Иванова и В. В. Вересаева сделало возможным сравнительное сопоставление их подходов и избранных решений в рецензиях А. А. Захарова и Э. В. Дилиа на второе издание «Алкея и Сафо» (эти отзывы были напечатаны в столь авторитетных журналах, как «Гермес» и «Журнал Министерства народного просвещения»).

Рецензия историка и археолога Алексея Алексеевича Захарова (1884–1937)³⁹ поражает несозвучностью центральным устремлениям эпохи к передаче античных метров средствами русского языка, к поиску их логоэдических аналогов. Так, он солидаризируется с мнением К. Э. Гриневича, полагавшего, что при переводе можно вполне брать тот или иной силлабо-тонический размер, «который более бы передавал для русского читателя чувство, выраженное в греческом тексте».⁴⁰ Подобное, несколько комичное с современной точки зрения, освещение проблем семантики метра закономерно приводит Захарова к предпочтению силлабо-тонических рифмованных переводов Ф. Е. Корша из Сафо всем другим.⁴¹

труднее оригинального творчества вообще <...> Вы видите, в чем дело: я растворяю кристаллизованный в слове поэтический образ как бы в эфирную среду, его породившую, и, вобрав его в себя, растворенный, ставший бесплотным, сызнова кристаллизую его в сфере другого языка, сообразно законам и внушениям этой сферы, стремясь добыть идейный и музыкальный эквивалент прежнего воплощения, которое в новой реинкарнации перестает быть внешне похожим на свой первоначальный облик» (В. И. Иванов и Э. К. Метнер: Переписка из двух миров / публ. В. Сапова // Вопросы литературы. 1994. Вып. III. С. 310–311).

³⁹ Гермес. 1916. № 7–8 (173–174). С. 137–142.

⁴⁰ Захаров отсылает к статье К. Э. Гриневича «Versus Sapphicus (о переводах с античных языков)», упомянутой выше.

⁴¹ В связи со смертью Ф. Е. Корша его переводы из Сафо незадолго до того были опубликованы в «Гермесе» (1915. № 8/9. С. 185–186). В эти годы

В рецензии 1916 года Диль, не изменяя общей высокой оценки переводов Вяч. Иванова из Алкея и Сапфо, еще более детально, с учетом последних научных публикаций, обращается ко второму, дополненному изданию книги.⁴² Как бы следуя пушкинскому завету, он стремится судить поэта «по законам, им самим над собою признанным». Прочитированный выше пассаж Вяч. Иванова о том, что переводчик должен «создать музыкальный эквивалент подлинника» (АС₂. С. 242), становится поэтому для него определяющим. Подчеркивая «художественность» перевода Иванова и то, что «филологическая верность *мыслям* оригинала — только средство к достижению этой цели», Диль констатирует успешность проекта в целом. Такие приемы, как «расширение» переводимого стихотворения за счет схождения к нему или введение комментирующих названий, он считает вполне правильными.

И все же Диль полагает, что в ряде случаев Вяч. Ивановым неверно переданы именно *мысли* подлинника. Это побуждает его на протяжении трех страниц детально изложить претензии к столь высоко ценимому им переводчику. В чем же их суть?

В № V/VIII и VIII/XI Алкея Диль находит «резкости, которых в подлиннике нет» («буйная дурь ветров», «издох Мирсил»); для воссоздания № X/XIX Вяч. Иванов «не привлек новых

в журнале неизменно печатались переводы из Сапфо, сделанные силлабо-тоническими размерами и большей частью рифмованные: Гермес. 1914. № 1. С. 24 (К. Гриневича); 1914. № 6. С. 161–162 (А. Рудакова); 1914. № 10. С. 277–278 (О. Орловой). Замечу справедливости ради, что «Гермес», неизменно уделяя повышенное внимание проблеме стихотворных переводов из античных литератур, публиковал статьи, представлявшие различные точки зрения. Так, мнение, противоположное воззрениям Корша и его адептов, развивалось в статье В. Я. Брюсова «О переводе „Энеиды“ русскими стихами» (Гермес. 1914. № 10. С. 259–267).

⁴² *Диль, 1916*. Десятый том издания оксиринхских папирусов, использованный Ивановым для дополнений, был отрецензирован для журнала «Гермес» именно Дилем: *Диль Э. Новые литературные тексты в X томе папирусов из Оксиринха* // Гермес. 1914. № 10. С. 292–296.

папирусных отрывков» (то же указано далее в связи с № XXVI/XXIV); в № XIII/XXI напрасно следовал Бергку, который составил ее из отрывков, цитированных Гефестионом и Аристотелем, несмотря на то, что они написаны разными вариантами одного и того же Алкеева размера; «прекрасные стихи» № XXIV/LI — результат «развития» фрагмента в законченное целое, они имеют весьма отдаленное отношение к оригиналу; сентиментально-идиллическая стилистика неуместна в третьей строфе № XXXV/III; в № XXVII/XXXV с вызывающей смелостью добавлены стихи 4 и 5, в № XXXIX/XV — два последних стиха, в № XLIII/IL — первый и последний стихи; и проч.

Один из упреков Диля вызван его повышенным пиететом перед Вилаговицем. Дело в том, что стихотворение, ставшее источником № XXVI/XXIV «Лето», составлено в издании Бергка из двух текстов разного происхождения: в середину фрагмента Алкея из схолий Прокла к Гесиоду (*Procl. In Hes. Op. 584*) помещено несколько строк, почерпнутых из трактата Деметрия Фалерского об искусстве красноречия (*Demetr. Eloc. 142*). В AC_2 и AC_3 эта интерполяция звучит следующим образом:

Не цикада — певец!
Ей нипочем
Этот палящий зной:

Все звенит да звенит,
В чаще ветвей,
Стрекотом жестких крыл,

Все гремит, — а в лугах
Злою Звездой
Никнет сожженный цвет.

По мнению Вилаговица, Деметрий в данном случае цитировал не Алкея, но Сапфо, что и побудило Диля сделать следующее критическое замечание: «Жаль, что Вяч. Иванов не принял исправления

Виламовица, доказавшего с несомненностью, что Бергк вставил в 39 отрывок Алкея несколько строк Сапфо».⁴³ Но думается, русский поэт не по недосмотру, но вполне сознательно, хотя и *implicite*, выразил своим переводом несогласие с точкой зрения Виламовица, сочтя аргументы того недостаточно убедительными. Стоит упомянуть, что наиболее авторитетные современные исследователи склоняются к тому, что все стихи, объединенные Бергком в 39-м фрагменте, принадлежат Алкею, хотя и почерпнуты, по всей видимости, из разных стихотворений (в новейших изданиях они помещаются рядом).

При анализе переводов из Сапфо Диль и далее неоднократно упрекает Иванова за игнорирование интерпретаций Виламовица (имелись в виду лирические ситуации № I/I, V/VII, XLVII/LIII).⁴⁴ Диль и сам, без оглядки на авторитеты, неоднократно отвергает толкования Иванова — к примеру, в связи с № XIII/II, XLIII/XLIII, CVI/C. Он также указывает на релевантность папирусных находок для текста № XLI и на произвольность подбора фрагментов при «составлении» № XLIII. Не без язвительности Диль отмечает ошибки: например, в связи с одой I он пишет: «ὄκεεξ στρωβόδοι (то есть „быстрые воробы“ . — К. Л.-Д.) мы затрудняемся передать „стая голубок“». Единственный раз он критикует стилистическое решение, относя к неудавшимся стих «В царских, опричь, колымагах Приамовы дочери» в № LXXIIa/CVI.

⁴³ Диль, 1916. С. 399. Имелась в виду книга, которую Вяч. Иванов неоднократно цитировал в «Алкее и Сафо»: *Wilamowitz, 1913*.

⁴⁴ Если, переводя «Алкея и Сафо», Вяч. Иванов то соглашался, то не соглашался с конкретными суждениями Виламовица, то через много лет он выразил общее критическое отношение к мировоззрению немецкого ученого (и, как следствие, к установкам его научной деятельности) в следующей статье: *Iwanow W. Humanismus und Religion: Zum religionsgeschichtlichen Nachlass von Wilamowitz // Hochland. 1934. Jg. 31. H. 10 (Juli). S. 307–330* (рус. пер. К. Ю. Лапко-Данилевского: *Иванов Вяч. Гуманизм и религия. О религиозно-историческом наследии Виламовица // Символ. 2008. № 53/54. С. 185–219*).

Сравнив переводы Вяч. Иванова и Вересаева, Диль все же отдаст пальму первенства Иванову; пространная рецензия завершается следующими выводами:

«Ценность перевода Вяч. Иванова заключается в его поэтическом совершенстве и его художественной цельности; единственный его недостаток — слишком субъективные дополнения, создающие нередко впечатление цельности и законченности там, где сохранились лишь обрывки.

Главное достоинство переводов Вересаева — их скромная документальность; недостаток переводов — отсутствие ряда отрывков, лишаящее книги В. В. Вересаева права называться полными переводами всего наследия Архилоха и Сафо».⁴⁵

Рецензии, рассмотренные выше, убеждают в том, что книга «Алкей и Сафо» стала одной из важнейших вех в переводческом освоении наследия античной поэзии в России начала XX столетия. Отклики современников позволяют прежде всего выявить спектр проблем, актуализированных новаторским подходом Вяч. Иванова: адекватность предложенных логоэдических аналогов метрам оригиналов; состав предлагаемого широкому читателю корпуса; допустимость произвольного комбинирования фрагментов, интерпретаторских вторжений в древний текст, неоговоренных конъектур; уместность русификации языка перевода; возможность игнорирования легендарной ауры, сопутствующей имени

⁴⁵ Диль, 1916. С. 406. Лакуны, о которых писал Диль, были во многом заполнены при переиздании переводов в 1929 году в составе десятого тома собрания сочинений Вересаева. Именно эта «документальность» становится залогом большего профессионального признания и, как следствие, востребованности переводов Вересаева: начиная с первого издания «Хрестоматии по античной литературе» Н. А. Дератани и Н. А. Тимофеева (М.: Учпедгиз, 1935. Ч. 1) они неизменно «укрепляют свои позиции» в репрезентативных антологиях древнегреческой поэзии, в то время как переводы Вяч. Иванова их постепенно теряют, доминируя лишь в «Древнегреческой литературе эпохи независимости» (Пг.: Огни, 1920. Ч. 2) и в «Лирике древней Эллады» Я. Голосовкера (М.; Л.: Academia, 1935). См. подробнее: Завьялов, 2009. С. 166–167.

переводимого автора. *Implicite* был затронут и столь важный вопрос, как допущение в перевод новых интертекстуальных ассоциаций, заведомо отсутствующих в оригинале, посредством введения в его текст цитат из золотого фонда русской классики («щекот славий» из «Слова о полку Игореве», пушкинская «буйная дурь» и др.).⁴⁶

Один важный аспект все же не получил в рецензиях должного освещения. Дело в том, что Вяч. Иванов рассматривал свое творчество как единый *религиозно-художественный проект*. Крайне важным для него поэтому было сближение древних языческих культов с культом христианским, подчеркивание их неразрывной преемственности. Этот эффект достигался главным образом введением лексических средств с ясно различимыми христианскими коннотациями — достаточно упомянуть обращение к Аполлону в знаменитом гимне Алкея к нему: «Сын отчий в небе, царь Аполлон, гряди!» (№ I/I) или «плащаницу» в «Плаче по Адонису» Сафо. Вяч. Иванов также нередко усматривал и эксплицировал религиозный смысл там, где его в подлиннике не было (см. комментарии к № II/IV, XIII/XXI Алкея и № XXII/XXII, XVII/XVI, XXVII/XXVII Сафо и др.).

Приведенные выше критические замечания в их совокупности позволяют определить своеобразие художественного свершения Вяч. Иванова: это прочувствованное, но порой и весьма своенравное *прочтение* стихов эолийских поэтов, запечатленное в метрических аналогах иного по природе языка в иную эпоху, требующее высокой читательской компетентности для его полноценного восприятия.

⁴⁶ По всей видимости, к «Евгению Онегину» («Посвящение»: «...Поэзии живой и ясной, / Высоких дум и простоты») отсылают отсутствующие в оригинале «высокие думы» (Сафо № XLIII «К подругам»). «Слово о полку Игореве» цитируется еще в одном переводе из Сафо при описании приданого Андромахи (№ CVI «Свадьба Гектора и Андромахи. Отрывок эпифаламы»).

Третье, переработанное издание

Рассмотренные выше рецензии и отклики весьма существенны для понимания третьего, «переработанного» издания «Алкея и Сафо» (именно его текст впервые воспроизводится в настоящей книге) и материалов, его документирующих. Они сохранились в фонде М. В. Сабашникова в Российской государственной библиотеке в Москве, о чем в исследовательской литературе сообщалось неоднократно, однако их анализ при этом не предпринимался.⁴⁷

В рабочей картотеке издательства имеется следующая учетная запись о рукописи третьего издания «Алкея и Сафо», фиксирующая ее передачу М. В. Сабашникову:

«Алкей и Сафо.

Собрание песен и лирических отрывков.

Пер<евод> В. Иванова, пересмотр<енный> для 3го изд<ания> 1919 г.

Вст<упительная> статья 27 стр.

Текст: Алкей — 69 стр.

Сафо — 138 стр.

Указатель и примечания. Гранки, оттиски б/ХI—1913 г.»⁴⁸

В настоящий момент подготовительные материалы третьего издания «Алкея и Сафо» в переводе Вяч. Иванова хранятся в двух делах фонда М. В. Сабашникова.

⁴⁷ Укажу прежде всего на характеристику неопубликованных переводов Вяч. Иванова в первом подробном обзоре сабашниковского фонда, сделавшем наглядным обилие неосуществленных замыслов замечательного издательства: *Панина А. Л.* Архив издательства М. и С. Сабашниковых // Записки Отдела рукописей [ГБЛ]. М., 1972. Вып. 33. С. 110.

⁴⁸ РГБ. Ф. 261. Карт. 24. Ед. хр. 1. Л. 3. На обороте карточки отмечено нахождение рукописи в 1921–1929 годах в различных хранилищах издательства. В ее верхнем правом углу сделана помета о времени передачи Вяч. Ивановым подготовленных материалов издательству: «Рук<опись> поступ<ила> 20/V <19>19». Копия этой карточки находится во втором из архивных дел, содержащем материалы АС₃ (РГБ. Ф. 261. Карт. 10. Ед. хр. 4. Л. 1).

Первое из них (РГБ. Ф. 261. Карт. 10. Ед. хр. 4) содержит расплетенный экземпляр второго издания «Алкея и Сафо» (1914 [1915]) с многочисленными пометами. Это и дополнения к вступительной статье, и коррективы ранее опубликованных переводов, и вписанные новые переводы, и пометы, связанные с изменением последовательности стихотворений, а также полностью переделанный «Указатель текстов», содержащий отсылки к научным изданиям греческих оригиналов.⁴⁹

Вторая единица хранения (РГБ. Ф. 261. Карт. 10. Ед. хр. 5) более сложна по своему составу. Во-первых, здесь находятся гранки стихов Алкея и Сафо в переводе Вяч. Иванова, но это не гранки первого издания книги, как полагает А. Л. Панина.⁵⁰ Набор первого издания книги и приложения к нему были, по-видимому, утрачены во время боев в Москве после октябрьского переворота 1917 года, когда сгорели контора и склад издательства на Тверском бульваре (здесь хранилось большое количество готовых изданий и клише),⁵¹ поэтому Вяч. Иванову пришлось обратиться к подборке из Алкея и Сафо для неосуществленной антологии, составлявшейся Ф. Е. Коршем и В. О. Нилендером. Именно с гранками антологии поначалу и стал работать Вяч. Иванов.⁵² В той же единице хранения находятся:

⁴⁹ В общей сложности это, как и в АС₂, следующие четыре книги, на которые указал сам Вяч. Иванов: PLG; Н–С (ed. stereotyра 1907); SL²; P. Оху. X (1910) (АС₂. С. 245–246; см. также наст. изд., с. 208). В связи с ними известный интерес представляет рабочий перечень книг и материалов, озаглавленный «Фрагменты АнСафо <sic!>» (составлен во время работы над АС₂): ИРЛИ. Ф. 609. Ед. хр. 203. Л. 130.

⁵⁰ «Имеется и экземпляр гранок первого издания 1913 г., в которых набрано 14 из 51 стихотворения Алкея и 85 из 111 стихотворений Сафо» (Панина А. Л. Архив издательства М. и С. Сабашниковых. С. 110). Та же ошибка повторена в архивной описи (РГБ. Ф. 109. Карт. 3. Ед. хр. 82. 5 л.).

⁵¹ Мальхин Н. Г., Панина А. Л. Издательство М. и С. Сабашниковых // Книга: Исследования и материалы. М., 1972. Сб. 23. С. 135.

⁵² И подпись «Перевел Вяч. Иванов» (1912) в завершение подборок Алкея и Сафо (РГБ. Ф. 261. Карт. 10. Ед. хр. 5. Л. 3, 16), и расположение текста, и состав публикуемого идентичны тем, что находим в отгисках стихотворных разделов,

авторизованные машинописи ряда стихотворных переводов Иванова из Алкея и Сапфо, которые предполагалось донабрать (л. 20–29), содержание третьего издания книги (л. 30–35) и выправленные примечания к нему (л. 36).⁵³

Но обратимся к самим архивным единицам, чтобы составить более полное представление о том, какие изменения предполагалось внести в обновляемую книгу. Текст вступительного очерка в целом подвергся незначительной стилистической правке. Из интерполяций и содержательных уточнений необходимо отметить три (все они отражены в настоящем издании).

Во-первых, в главке V характеристика Сапфо была включена в более широкий контекст: только в «Песни Песней» и в «Новой жизни» Данте, считал нужным подчеркнуть Вяч. Иванов, можно еще найти «такие же вздохи желаний», «такие же головокружения и обмороки влюбленности». Но при всей подверженности личности Сапфо «всем пароксизмам страсти» она «верна себе и всецело проникающему ее и ей прирожденному закону правдивости, великодушия, благочестия, простоты и свободы».⁵⁴

Во-вторых, Вяч. Иванов намеревался в главке VI подчеркнуть связь Алкея с античной мистикой, его веру в «палингенезию душ».⁵⁵

предназначавшихся для антологии Корша и Нилендера. На л. 1 справа сверху штамп Типографии Т-ва «И. Н. Кушнерев и К^о» с датой: 13 ноября <1913 года>. Эти корректуры в текстологическом отношении весьма важны; в них содержится, помимо прочего, перевод строки Сапфо (номер 87, ей предпосланный, отсылает к антологии Э. Хиллера – О. Крузиуса): «Скрыла его в нежных ветвях зарослей темных» (РГБ. Ф. 109. Карт. 3. Ед. хр. 82. Л. 5; наст. изд., с. 198). Вяч. Иванов, по всей видимости, счел его позднее (и не без оснований) слишком вольным и потому отверг.

⁵³ Неполнота текстов в гранках в ед. хр. 5, отмеченная еще А. Л. Паниной, лишает их значительной доли авторитетности и наводит на мысль о том, что работа с ними была довольно скоро прервана. Отгиски стихов Алкея здесь перемешаны с отгисками переводов из Сафо; некоторая часть их явно утрачена (РГБ. Ф. 261. Карт. 10. Ед. хр. 5. Л. 1–19).

⁵⁴ Там же. Ед. хр. 4. Л. 11.

⁵⁵ Там же. Л. 12б.

В-третьих, в самом конце вступительного очерка должно было быть подчеркнуто значение новейших папирусных находок, существенно обогативших представление о двух эолийских лириках, и охарактеризован ряд новообретенных текстов.⁵⁶

Сохранившееся среди материалов третьего издания «Алкея и Сафо» содержание (в нем немало мелких неточностей, которые несомненно были бы устранены в ходе работы над книгой),⁵⁷ а также радикально перекомпонованные и выправленные тексты Алкея и Сафо, находящиеся в ед. хр. 4,⁵⁸ убеждают в том, что обоих лириков предполагалось представить более целостно, в единстве их стихотворных массивов. Число тематических рубрик при этом должно было возрасти: у Алкея с четырех до шести (добавлялись разделы «Гимны богам» и «Размышления и апофегмы»), у Сафо — с семи до восьми (две заключительные рубрики должны были объединить тексты, ей позднее приписанные; новым должен был стать раздел «Подражания Сафо»).

Корпус стихов Алкея в AC_3 пополнился шестью новыми переводами: VI. К Деметре (или Афине?) («В союз гражданский ты собрала мужей...»); XXXVI. «Тебя Хариты чистые приняли...»; XXXVII. «Славься, Зевса-царя...»; XXXVIII. «Род нимф...»; XLI. Пещера («Камня дочь и седой Пучины...»); XLIV. «Бедность народ угнетает, Нужды непосильное бремя...». Все они почерпнуты из антологии Э. Хиллера – О. Крузиуса, как следует из выправленного указателя текстов.⁵⁹ Почему они не были переведены ранее, остается только догадываться.

Том оксиринхских папирусов, ставший источником приложения ко второму изданию, не был использован при работе над AC_3 , что объясняется весьма прозаическими причинами: этой книгой

⁵⁶ Там же. Л. 15–15а.

⁵⁷ Там же. Ед. хр. 5. Л. 30–35.

⁵⁸ Там же. Ед. хр. 4. Л. 19–63 об., 64–150 об.

⁵⁹ Там же. Л. 151–152 об.

в свое время ссудил Вяч. Иванова для работы М. И. Ростовцев, и она к тому моменту уже была возвращена владельцу.⁶⁰ В 1919 году у Иванова ее попросту не было под рукой.

Подборка стихов Сапфо была пополнена всего одним стихом, присоединенным к оде II под номером II^a:

Что же? Коль и так, все терпеть должна я...

Стих этот не был переведен заново, но перемещен из примечаний второго издания, в которых утверждалось, что им, возможно, начиналось продолжение оды.

Четыре фрагмента Сапфо, имеющиеся в AC_2 , подверглись исключению из третьего издания: XVI. «В злате приспешница...»; LXVII. «Милые, где же вы?..»; LXXII. «Пир горой; и сосудов и чаш не сочтешь»; LXXVIII. «Ночью долгою сон их одержит». Лишь в одном случае причины этого решения очевидны: благодаря папирусной находке выяснилось, что «Пир горой; и сосудов и чаш не сочтешь» — стих из обширного отрывка эпиталамы «Свадьба Гектора и Андромахи», полный перевод которого был предложен Вяч. Ивановым уже во втором издании «Алкея и Сафо». В принадлежности трех остальных фрагментов Сапфо не сомневались ни Т. Бергк, ни Э. Хиллер с О. Крузиусом, ни позднее Э. Диль; Вересаев перевел два из них; оба фрагмента включены в том 10 его «Полного собрания сочинений», вышедший в свет в 1929 году.⁶¹

⁶⁰ Книга была затребована назад письмом М. И. Ростовцева В. И. Иванову от 27 декабря 1917 года: «Услыхал, что Вы опять в Москве, и хотел просить Вас, не можете ли Вы как-нибудь, хотя бы по почте переслать мне X том Оксиринских папирусов? Мне он сейчас очень нужен, а в Петербурге второго экземпляра ни у кого нет» (Скифский роман / под общ. ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1997. С. 252; публ. Г. М. Бонгард-Левина, М. Вахтеля и В. Ю. Зуева). Книгу М. И. Ростовцеву передал Андрей Соболев, сообщивший об этом в письме к Вяч. Иванову от 22 января 1918 года (*Хазан В. И.* Жизнь и творчество Андрея Соболя, или повесть о том, как все вышло наоборот. СПб., 2015. С. 739).

⁶¹ *Вересаев В. В.* Полн. собр. соч. М., 1929. Т. 10. С. 182, 188 (фрагменты «И золотистым сияньем окруженной...» и «Черной ночью глаза...»).

* * *

Итак, именно расплетенный вариант второго издания «Алкея и Сафо» в ед. хр. 4 и пометы на нем должны быть признаны наиболее авторитетным источником наших знаний о том, каким Вяч. Иванов хотел видеть третье издание своих переводов. Изменения в составе издания рассмотрены выше; теперь имеет смысл обратить внимание на то, в какой мере поэт учитывал критические суждения о его стихотворных переводах, высказанные в рецензиях на первое и второе издание «Алкея и Сафо» и хотя бы в самых общих чертах охарактеризовать правку, которой они были подвергнуты.

«Гимн Аполлону» Алкея открывал все три издания; уже поэтому ему была уготована особая роль в книге: он в значительной мере манифестировал ее стилистику. Стихотворный текст гимна не сохранился; Вячеславом Ивановым был переложен в стихи его прозаический пересказ, сделанный Гимерием. Как отмечалось выше, в текст своего перевода поэт ввел цитату из «Слова о полку Игореве» — вызывающе архаичное словосочетание «щекот славий». В AC_1 и AC_2 эти строки звучат так:

Сын отчий в небе, царь Аполлон, гряди!
Бежит по лирам трепет. И сладостней
Зарю встречает щекот славий.
Ласточки щебет звончей. Цикада

Хмельней стрекочет, не о своей глася
Блаженной доле, но вдохновенная
От бога песен. Касталийский
Плещет родник серебром гремучим.

Перерабатывая стихотворение, Вяч. Иванов отвергает неполногласный южнославянский эпитет, заменяя его в AC_3 восточнославянским, полногласным эквивалентом — «соловьиный».

Цитата, таким образом, заменена на аллюзию.⁶² Правка не в последнюю очередь была вызвана желанием поэта устранить строфический анжамбман:

Сын отчий в небе, царь Аполлон, гряди!
Бежит по лирам трепет. И сладостней
Зарю встречает соловьиный
Щекот; и ласточки щебет звонче.

Хмельней цикада не о своей поет
Блаженной доле, но вдохновенная
От бога песен. Касталийский
Плещет родник серебром гремучим.

Это, пожалуй, наиболее объемные исправления из всех в переводах из Алкея; в других случаях дело касается замены отдельных слов (№ XXIII/XXXI, XXVIII/XLIII, XLIII/IL), введения заглавий (№ VIII/XI, IX/XIII, XLII/XLII), устранения опечаток и уточнения написания имен (так, аттическая форма «Аристодем» заменена на эолийскую «Аристодам» в № XXVIII/XLIII).

Вяч. Иванов проигнорировал разбор Вересаевым алкеева отрывка XVII/XXXV, в котором хотя и отдавалось должное блестящей передаче восходящих иоников, одновременно выражалось полное неприятие того, как текст Ивановым произвольно истолковывался и дополнялся: «Откуда это фаталистическое настроение, на которое в подлиннике нет даже отдаленного намека? Разве же так можно?»⁶³

Нельзя не пожалеть, что при переработке не были учтены указания Диля в рецензии 1916 года, в особенности те из них, что касались

⁶² В связи с этими изменениями в новом свете предстает защита уместности именно цитаты из «Слова о полку Игореве» в переводе Вяч. Иванова, предпринятая в статье: *Теперик Т. Ф.* Вячеслав Иванов: поэтика перевода: (На материале «Гимна к Аполлону» Алкея) // Вячеслав Иванов — творчество и судьба: К 135-летию со дня рождения / [сост. Е. А. Тахо-Годи]. М., 2002. С. 153.

⁶³ *Вересаев, 1915.* С. 392–393.

источников перевода, их состава, допустимости сделанных дополнений в связи с № XXXVI/II, XXXVII/IX, XXXIX/XV, X/XIX, XIII/XXI, XVI/XXIV, XXIV/XXXII, XXVII/XXXV. В них Диль не раз отсылал к новейшим научным публикациям, уточнявшим текст греческих стихов в изданиях, которыми пользовался Вяч. Иванов.

Что касается переводов из Сапфо, то были исправлены наиболее явные неточности, отмеченные Вересаевым. В первую очередь это относится к № XIII/II, первоначально озаглавленному «Гимн Правде», а в окончательной редакции названному «К Дике». Как язвительно отметил Вересаев (Диль был с ним согласен), стихотворение обращено не к богине справедливости, но к подруге Сапфо, которую в другом месте та именует полным именем: Мнасидика. Изменения были произведены не только в названии и в первом стихе (они были продиктованы переадресацией), но также кардинально переработаны оказались третья и четвертая строфы стихотворения. Патетическое, религиозно окрашенное обращение к богине уступило место умиленному восхищению красотой свитого подругой венка.

Еще два стихотворения Вяч. Иванов правил, явно признав справедливыми упреки Вересаева в произвольности и ошибочности собственных толкований греческого текста. В результате внесенных изменений фрагменты XXXIII/XXXII и XLI/XL звучат более просто и естественно, а основания для упреков за привнесение в древние тексты несвойственных им настроений здесь устранились.

Лишь в одном случае текст Сапфо из второго издания книги подвергся сокращению в издании третьем. Теперь за основу «Плача по Адонису» (№ XXI/XXI) были приняты два фрагмента, следующие в изданиях Т. Бергга и Э. Хиллера – О. Крузиуса подряд, а отрывок третий, интерполированный, исключен, что привело к удалению соответствующего примечания, наличествовавшего и в АС₁, и в АС₂. Думается, именно обсуждение в печати достоинств и недостатков второго издания книги побудило Вяч. Иванова к большей

осторожности в данном случае, к отказу от смелого совмещения трех фрагментов.

В нескольких случаях даже при отсутствии критических замечаний со стороны рецензентов переводы из Сапфо подверглись кардинальной переработке, метра, впрочем, не затронувшей. Так было, например, в следующих двух стихотворениях, написанных большим асклепиадовым стихом (как и в других случаях, Вяч. Иванов дает отдельными строками его колоны). № XII/XIII читался в АС₂:

Вас, Хариты, пою,
Девы небес!
Розы запястья вам!

После переработки он приобрел такой вид:

Ясноликих Харит
Лилии плеч,
Розы локтей пою!

№ XXIV/XXV в АС₂ выглядел следующим образом:

Видит Леда: яйцо,
Снега белей,
В алых лежит цветах.

В третьем издании стихотворение получило название и было полностью пересоздано:

Рождение Елены
Молвят люди: яйцо
Леда нашла
Под гиацинтами.

По-видимому, со временем Вяч. Иванов счел неуместным непочтительное отношение к новобрачному, вычитывавшееся из первой версии перевода № XCIV/CIV:

Свадебку мы сыграли,
Как женишок, желал ты;
Девушку ты, счастливец,
Добыл, какой желал ты.

В переработанном тексте в AC_3 никакой иронии по отношению к молодожену не чувствуется, обращение к нему в высшей степени почтительно:

Муж новобрачный! Свадьба,
Сыграна, как желал ты;
Девушку ты, счастливец,
Добыл, какой желал ты.

Судя по всему, в трех случаях Вяч. Иванов пересмотрел свое первоначальное понимание метра переведенных им ранее фрагментов (их малый объем не дает возможности принять однозначное решение, о каком размере должна вестись речь). Записанная в одну строку реплика Афродиты во фрагменте XIX/XVIII звучит для русского уха отнюдь не как стихотворная (размер подлинника неясен: $\cup\cup - -\cup\cup - \cup -$, стих дошел до нас не полностью, возможно, подпорчен). Лишь весьма искушенный в метрике читатель увидит в переводе AC_1 и AC_2 сочетание дактиля с додрантом ($-\cup\cup -\cup\cup - \cup -$):

Эрос, прекрасный служитель мой.

В AC_3 число слогов в переводе возрастает с девяти до десяти (то есть увеличивается по сравнению с дошедшим до нас текстом на один). Добавленный в начале стиха ударный слог делает наглядной интерпретацию этого стиха именно как второй половины большого асклепиадова стиха; этому же способствует разделение на два колона. Таким образом, Вяч. Иванов, отредактировав перевод, заново сформулировал свое понимание размера не полностью сохранившегося стиха:

Ты да Эрот,
Верный служитель мой...

Сходный случай имеем с фрагментом LXXXVII/XCI. В первоначальном варианте в AC_2 это одна двенадцатисложная дисметрическая строка (тем самым указывалось на затруднительность однозначного определения размера):

Другой девушки такой, зятек, не сыщешь.

В AC_3 Вяч Иванов увеличивает число слогов до тринадцати (столько их в оригинале) и выделяет три колона, делая наглядным свое понимание метрики этой строки — кретика и рейциана с хориямбическим внутренним расширением. Первые две строки при этом оказываются зарифмованы:

Нет другой
Девіцы такой,
Зять, досточтимый!

Фрагмент XXXVIII/XXXVII насчитывал в AC_2 два стиха. Отсутствие сказуемого во фразе подчеркивает неполноту сохранившегося текста, но избранный для перевода метр (ферекратей с внутренним хориямбическим расширением) оригиналу не соответствовал:

Что мне, ласточка, ты,
Вешняя гостья...

В AC_3 фрагмент XXXVIII/XXXVII, разделенный на три колона, должен был обрести синтаксическую законченность, а его метр приблизиться к подлиннику. Число слогов в первых двух стихах увеличилось с шести до семи, а третий стих остался без изменений. Общее число слогов перевода и оригинала, таким образом, сравнялось:

Что несешь,
Ласточка, мне,
Вешняя гостья?

По-видимому, от внимания Вяч. Иванова, следовавшего Э. Хиллеру – О. Крузиусу, ускользнуло, что отрывок почерпнут из трактата Гепестиона о древнегреческом стихосложении (на это, в частности, указывает Бергк) и что его размер – восходящий ионик (∪ ∪ – –). В первом варианте Вяч. Иванов перевел фрагмент ферекратеем с внутренним хориямбическим расширением, а во втором – комбинацией крегика, хориямба и адония. Гибкость эолийской метрики с ее довольно широким арсеналом допустимых вольностей, конечно же, крайне затрудняет вынесение неоспоримых решений о структуре столь малых фрагментов. Просмотрев подсказку, Вяч. Иванов дважды пытался осмыслить структуру отрывка; оба варианта его перевода поэтому запечатлели две его метрические интерпретации.

Серьезной переработке подверглась вспомогательная часть книги. Изменения в предисловии и в самих переводах побудили изъять ряд примечаний. В «Указателе текстов» теперь отразилось расположение стихотворений именно третьего издания «Алкея и Сафо»; в него были добавлены сведения об источниках новопереведенных стихов.

Из «Примечаний» были удалены пояснения к пяти стихотворениям. Снятие примечания к № XLIII/II Алкея вызвано тем, что содержащаяся здесь мысль «о популярности мистических (орфических) идей о пакирождении, „палингенесии“» должна была быть более подробно развита в предисловии. К основному тексту № II/II Сафо была присоединена строка (см. выше), которая ранее находилась в комментарии; потребность в нем поэтому отпала. № XXI/XXI Сафо, как отмечалось, был сокращен, и потому уже не нужно было указывать на то, что одна из строф была «отчасти гадательно присоединена» к другому тексту. Примечание в АС₂ к № LXXII о том, что он часть новонайденного отрывка эпиталамы на свадьбу Гектора и Андромахи, становилось в АС₃ излишним, как и сам этот фрагмент. По не совсем ясным причинам Вяч. Иванов посчитал неуместным лингвистическое пояснение к № LI/LVII Сафо; примечание к № CVII/XLV и CVIII/XLIV было им разбито на два.

Подведем наконец некоторые итоги. Третье издание «Алкея и Сафо» готовилось в 1919 году весьма поспешно, судя по всему в связи с тем, что М. В. Сабашников выразил желание переиздать эту книгу. Тяжелые условия послереволюционного быта делали Вяч. Иванова весьма заинтересованным в любом виде литературного заработка, поэтому он не проявил обычного кункаторства и взялся за работу, опираясь на книги и материалы, что имелись у него в тот момент под рукой. В результате внимательного изучения рецензии Вересаева 1916 года и собственных размышлений у него накопилось немало соображений, каким должно было стать третье издание столь дорогой ему книги. Рассмотренные выше материалы дают достаточно полное представление об этом его замысле и убеждают в том, что редакции переводов, содержащиеся здесь, и при переиздании «Алкея и Сафо» как целого, и при воспроизведении отдельных стихотворений следует рассматривать как авторитетнейшие и в наиболее полной мере выражающие последнюю волю переводчика. Сопоставление текстов убеждает в том, что даже коллеги Вяч. Иванова, близко знакомые с поэтом в 1910-е годы и посвященные в его переводческие замыслы (прежде всего Зелинский и Нилендер), перепечатывали его переводы со второго издания «Алкея и Сафо», не имея допуска к материалам издания третьего, хранившимся у Сабашникова.⁶⁴

« Was ist übersetzen? »

Алкей и Сафо в переводах Вяч. Иванова — важная веха в истории русского освоения древнегреческой поэзии. Для ее разговорного квантитативного стиха, представленного в эпосе, элегии, ямбе

⁶⁴ О перепечатках переводов Вяч. Иванова из Алкея и Сафо см.: *Свиясов, 1998; Дэвидсон П.* Библиография прижизненных публикаций произведений Вячеслава Иванова: 1898–1949 / под ред. К. Ю. Лаппо-Данилевского. СПб., 2012.

и разговорных частях драмы,⁶⁵ выработать силлабо-тонические аналоги русским поэтам оказалось легче: в первой половине XIX века можно считать уже вполне устоявшейся традицию передачи античного гексаметра шестистопным катаlecticским дактилем, широко практиковавшим введение хореических стоп.⁶⁶ В это же время упрочился и русский элегический дистих, производный от отечественного гексаметра.⁶⁷

Поиск логоэдических аналогов для песенного силлабометрического стиха древнегреческой мелики и песенных частей драмы оказался куда более трудной задачей. В первую очередь из-за обилия размеров, значительная часть которых неотторжима от определенных строфических форм, а также и потому, что некоторые из этих метров были активно рецептированы римской литературой, в процессе чего несколько видоизменились («отвердели», по выражению М. Л. Гаспарова).⁶⁸ Те новоевропейские литературы, в которых доминировало силлабо-тоническое стихосложение, в их числе и русская, воспроизводили по большей части именно эти, латинские образцы. Для того чтобы оценить степень поэтического новаторства Вяч. Иванова, имеет смысл кратко охарактеризовать рецепцию в России

⁶⁵ См. подробнее: *Снелль*, 1999. С. 18–19.

⁶⁶ Гексаметр Н. И. Гнедича и А. А. Фета был в большей степени «дактилохореическим», чем гексаметр В. А. Жуковского и Н. М. Минского, но во многом уступал в смелости поиска аналогам XVIII века. У Жуковского в «Одиссее» строки, отклоняющиеся от чистого дактиля, составляет 1%, у Гнедича — 20%, в то время как у Гомера — 90% (см.: *Гаспаров М. Л.* Очерк истории русского стиха: Метрика, ритмика, рифма, строфика. 2-е, доп. изд. М., 2000. С. 132).

⁶⁷ *Зелинский Ф. Ф.* Русский элегический дистих // *Овидий*. Баллады-послания / пер. со вступ. статьей и коммент. Ф. Зелинского. М.: М. и С. Сабашниковы, 1913. С. 312–315 (важность бесед с Вяч. Ивановым для этой своей статьи Зелинский отмечает в самом ее начале); *Wachtel M.* The Development of Russian Verse: Meter and Its Meanings. Cambridge, 1998. P. 171–205 (глава «Russian Arcadia: the Elegiac Distich and the Classical Stylization»).

⁶⁸ *Гаспаров М. Л.* Очерк истории европейского стиха. 2-е, доп. изд. М., 2003. С. 51.

двух строф, наиболее важных в настоящем контексте и названных по именам поэтов, которых он взялся переводить, — алкеевой и сапфической, а также коснуться их истории в его творчестве.

В ранних стихотворных переводах Вяч. Иванова сложно усмотреть сколько-нибудь продуманную концепцию передачи древних размеров. В июне 1884 года он перелагает элегическими дистихами общий смысл седьмой главы «Бхагавадгиты» (Махабхарата. Кн. VI: Бхишмапарва. Гл. 29); 12 июля 1885 года — гекзаметрами отрывок из «Метаморфоз» Овидия (кн. XI, 592–618). Весной 1890 года рифмованными ямбами, по образцу русского XVIII столетия, были переложены два псалма, а 23/11 июля того же года — александрийскими стихами эпиграмма Марциала (кн. IX, 45).

Мысли о том, как передать на родном языке ритмы древнегреческого песенного стиха, стали серьезно занимать поэта во второй половине 1890-х годов; при этом его глубокая связь с миром немецкой литературы и классической филологии имела первенствующее значение. Из трех немецких поэтов, сыгравших важнейшую роль в освоении немецкой поэзией силлабо-тонических логоэдических метров и строф — Фридриха Готлиба Клопштока (1724–1803),⁶⁹ Фридриха Гёльдерлина (1770–1843)⁷⁰ и Августа фон Платена (1796–

⁶⁹ Клопшток, получивший прекрасное классическое образование в знаменитой гимназии-интернате Пфорта (Шульпфорта) близ Наумбурга (Саксония-Ангальт), в своей поздней лирике опробовал обширный репертуар оригинальных логоэдических строф, сконструированных по образцу античных. Этот масштабный эксперимент не имел заметных последствий для немецкой поэзии. Из всех ритмических новаций Клопштока лишь свободный стих (*freie Rhythmen*) оказал сильнейшее влияние на поэтов «бури и натиска», на молодого Гёте, Гёльдерлина и Новалиса. О предшественниках Клопштока и о европейском контексте освоения эолийских размеров в Германии см.: *Альбрехт М. фон. История римской литературы / пер. с нем. А. И. Любжина. М., 2004. Т. 2. С. 805–807. Ср. также: Stempling E. Das Fortleben der horazischen Lyrik seit der Renaissance. Leipzig, 1906.*

⁷⁰ Сочинения Гёльдерлина в XIX столетии выходили в свет отдельными сборниками четырежды (1826, 1846, 1884 и 1898), но не пользовались известностью. Настоящее признание приходит к поэту в 1910-е годы в итоге исследовательской

1835),⁷¹ — именно Платен увлек и вдохновил Вяч. Иванова, о чем можно заключить из письма поэта к жене от 20 декабря 1896 / 1 января 1897 года:

«Я купил также стихи Платена (Graf v<on> Platen — не прочти <...> Платон), с которым давно собирался познакомиться ближе, вследствие виртуозности их формы, и просматривал их. Душа их — сладострастие ритмов, наиболее редких и изысканных. Платен обратил мое внимание на некоторые архаичные ритмы, которые я хочу эксплуатировать. <...> Вообще, Платен тебе, пожалуй, был бы не по вкусу; слишком много для тебя восточных мотивов и форм, персидской неги, роз и мускуса, — меня же эти струны его поэзии пленяют наиболее: как он ни любит Италию и античное, он более поэт Востока... Как мне хотелось бы на Восток! Платен же девять лет своей краткой жизни не хотел покидать Италию и Востока не видел».⁷²

В связи с этим письмом уже справедливо обращалось внимание на важность поэзии Платена при имитации Вяч. Ивановым форм восточной поэзии, прежде всего газели (газеллы).⁷³

И хотя Платен объявляется в первую очередь «поэтом Востока», не в меньшей степени подчеркнута его любовь к античности, а «некоторые архаичные ритмы», заинтересовавшие Вяч. Иванова, те,

и издательской деятельности Н. фон Хеллинграта, а также благодаря высокой оценке его стихов в кругу Стефана Георге. Переложения Гёльдерлина из Пиндара были опубликованы лишь в 1910 году.

⁷¹ Именно логаздические имитации античных форм в творчестве Августа фон Платена (в первую очередь алкеевой и сапфической строф) дают импульс к их усвоению такими поэтами, как Август Копиш (1799–1853), Николаус Ленау (1802–1850), Эмануэль Гейбель (1815–1884), Генрих Лейтхольд (1827–1879) и др.

⁷² *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка: 1894–1903 / подгот. текста Д. О. Солодкой и Н. А. Богомолова при участии М. Вахтеля; вступ. статья М. Вахтеля и Н. А. Богомолова; коммент. Н. А. Богомолова и М. Вахтеля при участии Д. О. Солодкой. М., 2009. Т. 1. С. 504–505.

⁷³ *Богомолов Н. А.* К истории русской газеллы // Богомолов Н. А. Соприжение далековатых: О Вячеславе Иванове и Владиславе Ходасевиче. М., 2010. С. 58–59.

что он «хочет эксплуатировать», — это, конечно же, ритмы платоновских логоэдов, то есть в первую очередь его сапфических, алкеевых и асклепиадовых строф. Пиндара Платен не переводил, но ряд его оригинальных стихотворений написан строфами, воссоздававшими метрику строф Пиндара: «Прощание с Римом» («Abschied von Rom», 1827), «К братьям Фриццони в Бергамо» («An die Brüder Frizzoni in Bergamo», 1831), «К братьям Фриццони» («An die Brüder Frizzoni», 1835) и др.⁷⁴

Не меньшее значение, чем импульсы, получаемые от оригинального творчества таких поэтов, как Платен, для позднейшего обращения Вяч. Иванова к древнегреческим авторам имела немецкая традиция их переводов, куда более зрелая и обильная, прошедшая к тому моменту куда больше фаз истории «взаимодействия» родной литературы с литературами древними и его теоретического осмысления, чем русская. Особенно важной признается смена парадигм, произошедшая под влиянием перевода Эсхилова «Агамемнона», изданного в 1816 году Вильгельмом фон Гумбольдтом (1767–1835). Работа над переводом велась с 1790-х годов, принципы, подвергавшиеся несколько раз пересмотру, вырабатывались в теснейшем сотрудничестве с Готфридом Германом (1772–1848), одним из выдающихся исследователей древнегреческой метрики. В предисловии к своему переводу Гумбольдт первым требованием выдвигал «простую верность» («einfache Treue»), которая должна быть обращена на «подлинный характер оригинала». Перевод, таким образом, должен питаться «простой и неприязательной любовью к оригиналу» («einfache und anspruchslose Liebe zum Original»),⁷⁵ проистекать из его изучения и возвращаться к нему. Практические последствия такого взгляда означали

⁷⁴ Gödeke K. Graf von Platen-Hallermünde (Biographie) // Gesammelte Werke des Grafen August von Platen in fünf Bänden. Stuttgart; Tübingen, 1847. Bd. 1. S. XLV.

⁷⁵ Aeschylus. Agamemnon / metrisch übersetzt von Wilhelm von Humboldt. Leipzig, 1816. S. XIX.

для Гумбольдта и его последователей следующее: в собственно перевод недопустимо вводить какие-то дополнительные пояснения непонятных мест, изгонять из него то, что ныне может вызвать отвращение, или же что-то в него вставлять; каждому стиху оригинала должен соответствовать один немецкий стих; метр оригинала следует воспроизводить настолько, насколько это только возможно; то же относится к словоразделам, к порядку слов, синтаксису, строению слов.⁷⁶ И хотя эта точка зрения вызывала у современников возражения, к середине столетия она стала доминирующей, будучи дополнительно обоснована в книгах Иоганна Минквица (1812–1885) и Отто Фридриха Группе (1804–1876), отстаивавших принцип «эквиритмического перевода» («metrische Übersetzung»), а также в их переводческой практике.⁷⁷ Следует упомянуть и статью Тихо Моммзена «Искусство немецкого переводчика с новых языков» (1857–1858), снискавшую широкую известность и отстаивавшую те же взгляды. Тихо Моммзен (1819–1900), младший брат Теодора Моммзена, одного из учителей Вяч. Иванова в Берлинском университете,⁷⁸ помимо прочего, осуществил «эквиритмический» перевод всех од Пиндара.⁷⁹ Впрочем, к 1860-м годам немецкоязычная аудитория располагала и дру-

⁷⁶ См. подробнее: *Kitzbichler J., Lubitz K., Mindt N. Theorie der Übersetzung antiker Literatur in Deutschland seit 1800.* Berlin; New York, 2009. S. 95–96.

⁷⁷ *Minckwitz O. Lehrbuch der deutschen Verskunst, oder Prosodie und Metrik: nach neuen Grundsätzen bearbeitet für Universitäten, Gymnasien, Realschulen, Seminarien, wie auch zum Selbstunterricht.* Leipzig, 1844 (семь переизданий); *Gruppe O. F. Deutsche Übersetzerkunst: mit besonderer Rücksicht auf die Nachbildung antiker Maaße, nebst einer historisch begründeten Lehre von deutscher Silbenmessung.* Hannover, 1859 (2-е изд.: 1868).

⁷⁸ Отд. изд.: *Mommsen T. Die Kunst des deutschen Übersetzers aus neueren Sprachen: mit einem Schlussworte: über den Einfluss des Sprachenlernens auf den menschlichen Geist und den sprachlichen Unterricht auf Gymnasien und Realschulen.* Leipzig, 1858.

⁷⁹ *Des Pindaros Werke / in die Versmaasse des Originals übersetzt von Iohannes Tycho Mommsen.* Leipzig, 1846.

гими собраниями переводов из Пиндара, отвечавшими требованиям Вильгельма фон Гумбольдта: Фридриха Тирша (1820; в 2-х томах), Иоганна Гартунга (1855–1856; в 2-х томах), Иоганна Якоба Кристиана Доннера (1860).

В то же время большинство представителей университетской науки воздерживались от переводческой деятельности и от высказываний о ее задачах. В кругах филологов-классиков охотно передавалась из уст в уста максима Августа Бёка (1785–1867) о том, что филология умирает, как только она начинает переводить, а также вердикт Морица Гаупта (1808–1874): «Перевод — это смерть постижения» («Die Übersetzung ist der Tod des Verständnisses»)⁸⁰

Поэтому Ульрих фон Виламовиц-Мёллендорф (1848–1931) шокировал многих из коллег, объявив перевод в своей статье «Что значит переводить?» («Was ist übersetzen?», 1891)⁸¹ «истинной задачей» («genuine Aufgabe») филологии. Уже в первой строке он выдвинул тезис, вызвавший раздражение в кругах литераторов: «Только филолог сможет перевести древнегреческое стихотворение» («Die Übersetzung eines griechischen Gedichtes kann nur ein Philologe machen»)⁸². Справедливо замечая, что значения слов в разных языках никогда не совпадают друг с другом полностью, Виламовиц настаивал на необходимости переселения души поэзии в иную плоть, совершить которое дано лишь филологу, ибо только ему благодаря знанию языка и историческим познаниям дано эту душу постичь. «Подлинный перевод» — это акт метемпсихоза («die wahre Übersetzung ist Metempsychose»). Вехами, отметив-

⁸⁰ Цит. по: *Kitzbichler J., Lubitz K., Mindt N. Theorie der Übersetzung antiker Literatur in Deutschland seit 1800. S. 73.*

⁸¹ Впервые напечатана в кн.: *Euripides. Hippolytos: Griechisch und Deutsch / von Ulrich von Wilamowitz-Moellendorff. Berlin, 1891.* Статья Виламовица неоднократно перепечатывалась в течение его жизни.

⁸² *Dokumente zur Theorie der Übersetzung antiker Literatur in Deutschland seit 1800 / ausgewählt, eingeleitet und mit Anmerkungen versehen von J. Kitzbichler, K. Lubitz, N. Mindt. Berlin; New York, 2009. S. 73.*

шими начало ложного пути, Виламовиц объявил Фоссова Гомера и Гумбольдтова Эсхила, а принципы «эквиритмического перевода» («metrische Übersetzung»), ставящие на одну доску квантитативную и квалитативную системы стихосложения, — основывающимися «попросту на непонимании» греческого языка и поэзии («weil man die griechische Sprache und Verskunst schlechterdings nicht verstand»). Призывая «презреть буквы, следовать духу, воспринять и передать не слова и предложения, но мысли и чувства», Виламовиц считал, что следует отказаться от метра оригинала и избрать такую форму из арсенала отечественной поэзии, которая могла бы произвести схожее художественное воздействие на современников.⁸³ Позиция Виламовица вызвала шквал критических отзывов и широко обсуждалась в немецких литературных и научных кругах и в 1890-е годы, и позже.⁸⁴

Вяч. Иванов, конечно же, был в курсе этих споров, когда в 1899 году избрал принципы логаядического перевода Первой Пифийской оды Пиндара⁸⁵ (не играла ли уже тогда какую-то роль его неприязнь к Виламовицу, позднее давшая о себе знать?). В любом случае, в этом переводе русский поэт показывает себя как зрелый мастер, реализующий продуманную до деталей концепцию создания «эквиритмических» аналогов для строф хоровой мелики на русском языке, то есть обширных по объему и сложных по структуре силлабо-тонических логаядов. Установки эти были реализованы не только в позднейших переводах Вяч. Иванова из греческих поэтов, но и в оригинальном творчестве поэта.

⁸³ См. ниже о сходных воззрениях Ф. Е. Корша, А. А. Фета и В. К. Эрнштедта.

⁸⁴ *Kitzbichler J., Lubitz K., Mindt N. Theorie der Übersetzung antiker Literatur in Deutschland seit 1800. S. 209–220* (подглавка «Kritik an Wilamowitz' Übersetzungstheorie und -praxis»).

⁸⁵ Журнал Министерства народного просвещения. 1899. Ч. 324. Авг. С. 49–56 (4-я паг.). См. подробнее: *Завьялов С. А., Лаппо-Данилевский К. Ю.* К истории текста Первой Пифийской оды в переводе Вячеслава Иванова // *Musenalmanach. В честь 80-летия Р. Ю. Данилевского.* СПб., 2013. С. 86–105.

Так, несколько оригинальных стихотворений в его дебютной книге стихов «Кормчие Звезды» написаны строфами, названными именами двух эолийских поэтов, к творчеству которых Вяч. Иванов позже обратился как переводчик.⁸⁶ В стихотворениях «Пэстумский храм», «Молитва Камилла» и «Довольно!» находим алкееву строфу, а в «Сафо» и «К Фантазии» — сапфическую. Обращение к этим в тот момент почти экзотическим формам, думается, следует рассматривать в контексте общего стремления литературы русского модернизма к обогащению выразительных средств поэзии, оскудение метрического репертуара которой к концу XIX века констатируют исследователи.

Протицирую начальный катрен стихотворения «Сафо», посвященного Вл. Соловьеву:

Дев Кастальских дар — золотые струны
Стройте без меня, лесбиянки-девы,
И венчайте пир: я с кудрей слагаю
Тяжкие розы!⁸⁷

В обоих вышеназванных стихотворениях (и данная цитата хороший тому пример) Вяч. Иванов ориентируется на более поздний, «римский» вариант сапфического одиннадцатисложника с постоянной цезурой после пятого слога, утвердившийся в поэзии Горация

⁸⁶ Обращение к античной метрике в «Кормчих Звездах» было отмечено еще А. А. Блоком: «Вдохновение Вяч. Иванова параллельно теории. Он пробует голоса забытых размеров, способных сызнова зазвучать. И здесь мы снова видим его бродящим по священной Элладе. В „Кормчих Звездах“ несколько стихотворений подчинено размерам Алкея и Сапфо» (*Блок А. Творчество Вячеслава Иванова // Вопросы жизни. 1905. Апр.–май. С. 206; Блок А. Полн. собр. соч.: в 20 т. М.; СПб., 2003. Т. 7: Проза (1903–1907). С. 14; ср. пометы Блока в принадлежавшем ему экземпляре «Кормчих Звезд»: Библиотека А. А. Блока. Описание. Л., 1974. Кн. 1. С. 293*). На то же обратил внимание Г. И. Чулков, обзвывая альманахи книгоиздательства «Скорпион»: *Чулков Г. И. «Северные цветы ассирийские» // Вопросы жизни. 1905. Июнь. С. 254.*

⁸⁷ *Иванов Вяч. Кормчие Звезды. СПб.: Тип. А. С. Суворина, 1903. С. 129.*

(ни у самой Сапфо, ни у Катулла ее еще нет).⁸⁸ Впоследствии, переводя Сапфо, Вяч. Иванов отказывается от регулярной цезуры, стремясь, со всей очевидностью, создать более точный аналог исконной сапфической строфы и передать ее ритмическое богатство.⁸⁹

К истории алкеевой и сапфической строфы в русской поэзии

Две основные строфы, алкеева и сапфическая, структурные особенности которых Вяч. Иванов должен был многократно воспроизвести средствами русского языка, взявшись за перевод эолийских меликов, были куда более просты, чем строфы Пиндара, но и они имели свои особенности, требовали от переводчика взвешенности решений. Кроме того, уже имелась определенная предыстория их освоения русскими поэтами, заслуживающая хотя бы кратко освещения.

Рецепция сапфической строфы в России⁹⁰ в силу ее большей простоты несравнимо более богата, чем строфы алкеевой, по-

⁸⁸ Хотелось бы обратить внимание и на следующий дериват сапфической строфы в стихотворении Вяч. Иванова «Покров»: адонию в ней вместо трех сапфических одиннадцатисложников предшествуют трехстопные акаталектические амфибрахии; рифма перекрестная. Приведу заключительный катрен:

И долго незримого храма
Дымилось явленное чудо,
И застила синь фимиама
Блеск изумруда.

(Иванов Вяч. *Сог Ardens*. М.: Скорпион, 1911. Ч. I. С. 77).

⁸⁹ Непосредственным предшественником переводов Вяч. Иванова в этом отношении следует признать высокохудожественный перевод I оды Сапфо (цезура в нем также вольная). По предположению С. А. Завьялова, он принадлежит Ф. Ф. Зелинскому, редактировавшему издание: Эллинская культура в изложении Фр. Баумгартена, Фр. Поланда, Рих. Вагнера / пер. М. И. Берг, под ред. [и с предисл.] Ф. Ф. Зелинского. СПб.: Издание Брокгауз–Ефрон, 1906. С. 218.

⁹⁰ Написание истории сапфической строфы в русской поэзии как взаимобогащающего взаимодействия оригинальных и переводных текстов и уяснение значения сапфических строф Вяч. Иванова для литературы Серебряного

этому имеет смысл сначала уделить внимание ей, кратко упомянув следующие ее особенности, существенные для ее рецепции: сапфические одиннадцатисложники, из которых, согласно точке зрения, общепринятой в начале XX столетия,⁹¹ на три четверти состоит сапфическая строфа, в своем исконном виде не цезурированы, а четвертый слог в них может быть как долгим, так и кратким (— ∪ — × — ∪ ∪ — ∪ — —).⁹² Гораций вводит цезуру после пятого слога, четвертый у него становится обязательно долгим.

Рука об руку с распространением и упрочением латинско-польской образованности с конца XVII века на восточнославянских землях, входивших в состав Речи Посполитой, происходит утверждение силлабического стихотворства (попытка Мелетия Смотрицкого разработать систему квантитативного стихосложения, как известно,

века — дело будущего. В связи с этой проблематикой укажем прежде всего на следующие работы: *Розанов Ив.* Три главы из истории русской строфики // Литературная учеба. 1941. № 6. С. 60–70 («Доломоновская строфика»); *Дрейдж Ч. Л.* К вопросу о древнегреческих и латинских размерах в русской поэзии: эволюция сапфической строфы // Славянский стих. Стихovedение, лингвистика и поэтика: мат-лы междунар. конф., 19–23 июня 1995 г. М., 1996. С. 140–147; *Свясов Е. В.* Сафо и русская любовная поэзия XVIII — нач. XX вв. СПб., 2003. С. 302–317, 341–387 (глава «Сафо в восприятии русских поэтов „серебряного“ века» и «Библиографический указатель переводов и подражаний стихотворений и стихотворных отрывков Сафо»); *Алексеева Н. Ю.* Русская ода. Развитие одической формы в XVII–XVIII веках. СПб., 2005. С. 205–213, 352–354; *Лотман М.* Становление античных размеров в русском стихе: аспекты когнитивной метрики // *Russian text (19th century) and antiquity* / ed. by K. Kroo and P. Torop. Budapest; Tartu, 2008. P. 24–53; *Корчагин К. М.* Цезура в русском стихе XVIII — первой четверти XX века. Дис. ... канд. филол. наук. М., 2012 (на правах рукописи; глава «Строчные логаэды античного типа», с. 195–199 et passim); *Орлицкий Ю. Б.* Сапфическая строфа как способ презентации образа Сафо в русской литературе Серебряного века // «Вечные» сюжеты и образы в литературе и искусстве русского модернизма / отв. ред. А. Л. Топорков. М., 2015. С. 32–53.

⁹¹ О современном взгляде на эту проблематику см. наст. изд., с. 250.

⁹² Здесь и далее метрические схемы даются по «Греческой метрике» Б. Снелля, согласно которой последний слог в основных эолийских колонах — условно долгий (*Снелль, 1999. С. 67*).

была одиночной и успеха не имела⁹³). Под влиянием польских образцов (как ранее в Польше под влиянием романских и новолатинских) создаются первые силлабические сапфические строфы.⁹⁴ Стихи в них большей частью парно зарифмованы; первые три стиха насчитывают по одиннадцать слогов, четвертый — пять; ударения обычно не упорядочены. Сапфические строфы подобного вида находим с конца 1620-х годов в украинских стихотворных панегириках, плачах и драмах: в плаче Давида Адреевича по пресвитеру Луцкого братства Иоанну Васильевичу («Лямент по <...> Иоанне Васильевичу <...>», 1628); в стихах Артемия Половковича, помещенных в «Имнологии» Памвы Берынды, его брата Симона, Тарасия Земки и др. (1630);⁹⁵ в «трагедокомедии» Иоанникия Волковича («Смутный трень в смутный день страстей Христа», 1631); в анонимном панегирике в честь митрополита Петра Могилы («Εὐφροῖα веселобрмячаа», 1633); в плаче мещан острожских о приключившихся несчастиях («Лямент о пригоди нещасной <...> мещан острожьких»,

⁹³ «Грамматіки Славѣнскія прѣвильное Сѣнта҃҃ма» (1619) Мелетія Смотрицкого содержит наиболее раннюю сапфическую строфу, которую, если отвлечься от концепции долгих и кратких гласных, развиваемой автором, можно вполне прочесть как силлабическую:

Мусо Татр Сарматск, Богу Триедину
Должную дай честь поклона со имны,
Чистою славян, его, давшему ти
Мерюю пети.

(цит. по: *Мелетій Смотрицький*. Грамматіки славенскія прѣвильное сѣнта҃҃ма / підготовка факсимільного видання В. В. Німчука. Київ, 1979. Л. 248).

⁹⁴ В то же время в этих землях развивается латинское стихотворство, откуда в конце XVII столетия распространяющееся в Московию. См. подробнее: *Либуркин Д. Л.* Русская новолатинская поэзия: материалы к истории. XVII — первая половина XVIII века. М., 2000. С. 21–48 (глава «XVII век: предыстория новолатинской поэзии в России»); *Трофимук М. С.* Латинськомовна література України XV–XIX ст.: жанри, мотиви, ідеї. Львів, 2014. С. 125–214 (глава «Віршовані твори XVII–XVIII ст.»).

⁹⁵ Українська поезія: Кінець XVI — початок XVII ст. / упорядники В. П. Колодова, В. І. Кречотень. Київ, 1978. С. 354 і др.

1636); в двух одах панегирика «Εὐοδία» Григория Бутовича (1642), опубликованного во Львове, и т. д.⁹⁶

Симеон Полоцкий (1629–1680), благодаря которому под конец его жизни в Москве возникла целая школа силлабического стихотворства, получил образование не только в Киево-Могилянском коллегиуме в Киеве, но и, судя по всему, проучился некоторое время в Виленской иезуитской академии. Часть его ранних сочинений написана на польском языке; одно из них, «Piosenka o śmierci» («Песенка о смерти»), — силлабическими сапфическими строфами.⁹⁷ К приезду в Полоцк в 1656 году русского царя Симеон Полоцкий издал панегирик «Метры на пришествие во град отчистый Полоцк пресветлого благочестивого и христолюбивого государя царя и великого князя Алексея Михайловича <...>», содержащий стихотворения («Радуйся, царю восточных страны...» и «Когда ся Израиль брил в обетованну...»), также написанные сапфическими строфами. Обильно присутствие этой формы в панегирической поэме Симеона Полоцкого «Орел Российский» (1667) и в трех его основных собраниях стихов — «Вертоград многоцветный» (1678),⁹⁸ «Псалтирь рифмотворная» (М., 1680), «Рифмологион» (не завершен). В творчестве Сильвестра (Медведева),⁹⁹

⁹⁶ Сулима М. М. 1) Сапфічний вірш або строфа у слов'янській поезії XVI–XVIII ст. // Українська література XVI–XVIII ст. та інші слов'янські літератури. Київ, 1984. С. 223–231; 2) Про версифікаційні особливості книжної україномовної поезії середини XVII століття // Українська поезія. Середина XVII ст. / упорядники В. І. Кречотень, М. М. Сулима. Київ, 1992. С. 26–27 (упоминаемые тексты см.: Там же. С. 63–65, 163–165, 195–198, 206–209).

⁹⁷ Симеон Полоцкий. Вирши / сост., подгот. текстов, вступ. статья и коммент. В. К. Былинникова, Л. У. Звонаревой. Минск, 1990. С. 148–150.

⁹⁸ Первое полное издание: Симеон Полоцкий. Вертоград многоцветный / подгот. текста, статья и коммент. А. Хишисли и Л. И. Сазоновой; предисл. Д. С. Лихачева. Köln; Weimar; Wien, 1996–2000. Т. 1–3.

⁹⁹ Сапфическими строфами написана часть VII «Вручение креста» в «Приветстве брачном» Сильвестра: *Сильвестр Медведев. Приветство брачное*,

Кариона (Истомина)¹⁰⁰ и царя Федора Алексеевича,¹⁰¹ учеников Симеона Полоцкого в поэтическом искусстве, сапфические строфы сравнительно немногочисленны. Так, по подсчетам А. П. Богданова в «Орле Российском» Симеона Полоцкого доля «сапфического стиха» составляет около 10,2 %, в основном массиве поэзии Сильвестра (Медведева) — 3,6 %, у Кариона (Истомина) — менее 0,5 %.¹⁰²

Та же форма, заданная оригиналом, сохранялась в анонимных переводах из польских поэтов (Яна Кохановского, Веспасиана Коховского и др.).¹⁰³ В дальнейшем, сохраняя связь с семинарским образованием, сапфические строфы получают все большее распространение, в том числе и в школьной драме. Так, начиная с 1680-х годов их неоднократно применяет в своих драмах Димитрий Ростовский (в «Успенской драме», в «Комедии на Рождество Христово»)¹⁰⁴

Известны две панегирические песни в честь заключения Ништадтского мира в 1721 году, написанные сапфическими строфами.¹⁰⁵

поднесенное царю Федору Алексеевичу 18 февраля 1682 года / к изданию подготовил Н. Дурново. Харьков, 1912. С. 44–46, 56–57.

¹⁰⁰ См. «Стих», завершающий «Книгу любви знак в честен брак» (1689): *Карион Истомина*. Книга любви знак в честен брак: Эмблематическая поэма в стиле русского барокко... / изд. подгот. Л. И. Сазонова. М., 1989. С. 104–105.

¹⁰¹ По авторитетному мнению В. Н. Татищева, принимаемому современными исследователями, переложения 132-го и 145-го псалмов в «Псалтири рифмовторной» Симеона Полоцкого, написанные сапфическими строфами, были сделаны Федором Алексеевичем (см.: *Буланин Д. М., Панченко А. М.* Федор Алексеевич // *Словарь книжников и книжности Древней Руси*. СПб., 2004. Вып. 3 (XVII в.). Ч. 4: Т–Я. Дополнения. С. 88).

¹⁰² *Богданов А. П.* Стих торжества: рождение русской оды, последняя четверть XVII — начало XVIII века. М., 2012. С. 55.

¹⁰³ Библиотека литературы Древней Руси. СПб., 2014. Т. 18: XVII век. С. 422, 425–426, 468–470, 470–471, 471–472 (подгот. текстов и коммент. С. И. Николаева).

¹⁰⁴ См. подробнее: *Численко Н. Д.* Сапфические ритмы в драмах Димитрия Ростовского // *Вестник ЛГУ. Серия истории, яз. и лит.* 1976. № 20. С. 91–98.

¹⁰⁵ *Позднеев А. В.* Русская панегирическая песня в первой четверти XVIII века // *Исследования и материалы по древнерусской литературе*. М., 1961. С. 353–355, 357.

Ту же форму избрали ученики Славяно-греко-латинской академии, чтобы приветствовать в декабре 1722 года Петра I, возвратившегося из Персидского похода,¹⁰⁶ а через 20 лет Федор Кветницкий, преподаватель той же духовной школы, в своем учебнике «Clavis poetica» приводит образцы сапфических строф как на латинском, так и на русском языке.¹⁰⁷ Впрочем, и первый образец светской беллетристики, роман Поля Тальмана «Езда в остров любви», переведенный и изданный В. К. Тредиаковским в 1730 году, не обошелся без четырех сапфических строф, начинающихся строкой «Радуйся, сердце! Аминта смягчилась...» (так поэт переложил астрофическое восьмистишие «Resioüis-toy mon coeur, Amynte est adoucie...»)¹⁰⁸

Лишь в середине XVIII столетия начинается силлабо-тоническое освоение сапфической строфы, и А. П. Сумароков, опережая время, создает ее логоэдический вариант. Сначала он публикует оригинальное стихотворение «Гимн Венере (сапфическим стопосложением)» («Не противлюсь сильной, богиня, власти...», опубл. 1755), написанное логоэдической сапфической строфой с рифмами, а через три года — перевод «Вторая ода Сафы, сочиненная по русскому переводу г. Козицкого» («Разных Афродита царица тронов...», 1758)¹⁰⁹ уже без рифмы. Видимо, благодаря Г. В. Козицкому, хорошо знавшему древнегреческий язык и его консультировавшему, Сумароков с самого начала использовал вариант сапфического

¹⁰⁶ *Вирши. Силлабическая поэзия XVII–XVIII веков / общая ред. П. Беркова; ред. и примеч. Я. Барскова, П. Беркова и А. Докусова; вступ. статья Ив. Розанова. [М.; Л.] 1935. С. 265–267. Латинский вариант канта в кн.: Либуркин Д. Л. Русская новолатинская поэзия. С. 233–234.*

¹⁰⁷ *Kvetnickij F. Clavis poetica. Eine Handschrift der Leninbibliothek Moskau aus dem Jahre 1732 / mit einer Einleitung hrsg. v. B. Uhlenbruch. Köln, 1985. S. 137.*

¹⁰⁸ [Тальман П.] *Езда в остров любви / переведена с французского на русский чрез студента Василья Тредиаковского и приписана его сиятельству князю Александру Борисовичу Куракину. СПб., 1730. С. 42; Тредиаковский В. К. Избранные произведения / вступ. статья и подгот. текста Л. И. Тимофеева; примеч. Я. М. Строчкова. М.; Л., 1963. С. 108–109.*

¹⁰⁹ Согласно традиционной нумерации эта ода является первой.

одиннадцатисложника с вольной цезурой (x ∪ x ∪ ' ∪ ∪ ' ∪ ' ∪), которым написаны и нерифмованные «Сафические строфы» А. Н. Радищева (опубл. 1803). Все же в начале XIX века под влиянием переводов из Горация все более широкое распространение получает «римский», цезурированный вариант (x ∪ x ∪ ' / ∪ ∪ ' ∪ ' ∪). Его находим, к примеру, в оригинальном «Видении в майскую ночь. Ода к Флору» А. Х. Востокова,¹¹⁰ в стихотворении «Вторит глух вокруг отголосок грома...» (1808), приписываемом И. М. Борну,¹¹¹ в переводе двух од Горация, выполненном А. Ф. Мерзляковым (1826; *Hor. Carm. II, 2; II, 20*).

Следует также указать (подробнее останавливаться на этом аспекте здесь возможности нет), что логоэдическим освоением других эоликов (гликонея, асклеиадова стиха) мы целиком обязаны поэтам предромантической эпохи, переведившим Горация, — А. Г. Волкову («Мельпомена бессмертная!..», 1803; *Hor. Carm. IV, 3*), А. Х. Востокову («Не опять ли, корабль, волны несут тебя...», 1808; *Hor. Carm. I, 14*; «Крепче меди себе создал я памятник...», 1806; *Hor. Carm. III, 30*) и А. Ф. Мерзлякову («Можно ль в сердце, стыдясь, скрыть иль умерить скорбь...», 1826; *Hor. Carm. I, 24*; «Башня, склеп чугуна, створы — столетний дуб...», 1826; *Hor. Carm. III, 16*). Употребительнейшим размером, как у Алкея с Саффо, так и у Горация

¹¹⁰ В примечании к этому стихотворению А. Х. Востоков отмечал, что следовал именно гораццианскому образцу: «В трех больших стихах после 5-го слога пресечение, с которым непременно должно оканчиваться слово. <...> Гораций, который написал много од сафическим размером, ввел в них таковое пресечение, чтоб некоторым образом усилить каданс. Сама же Сафо, изобретшая сей размер, не употребляла в оном определенных пресечений» (Опытги лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова. СПб., 1806. Ч. 1. С. 99). В его стихотворении «Сафо» по очевидным причинам цезура, напротив, свободная.

¹¹¹ Борн И. М. Краткое руководство к российской словесности. СПб., 1808. С. 121–123; Поэты-радищевцы (А. Х. Востоков, И. П. Пнин, И. М. Борн, В. В. Понугаев и другие поэты Вольного общества любителей словесности, наук и художеств) / вступ. статья, биогр. справки, сост. и подгот. текста П. А. Орлова; примеч. П. А. Орлова и Г. А. Лихоткина. Л., 1979. С. 195.

(34 оды), является именно гликоной с производными от него асклепиадовыми стихами (малым и большим).

* * *

В алкеевых строфах алкееву одиннадцатисложнику отведена важнейшая роль. Первый и пятый слоги могли быть в нем и долгими и краткими, регулярная цезура не предполагалась (x – ∪ – x – ∪ ∪ – ∪ –). Гораций делает алкееву строфу одной из своих излюбленных форм: ею написано 37 из 103 его од (тогда как сапфической — только 25, поэтому в новых литературах алкеева строфа долгое время зовется «горацианской»); он вводит в алкеевом одиннадцатисложнике обязательную цезуру после пятого слога, отменяя равноправие долгот в первом и пятом слогах (они должны быть обязательно долгими).

Освоение алкеевой строфы, видимо из-за ее сложности и гетероморфности (в ней представлено три вида алкеевых стихов), начинается в силлабической поэзии Восточной Европы, а за ней и в России довольно поздно.¹¹² Важными его вехами, впрочем оставшимися без особых последствий, следует признать перевод В. К. Третьяковского из Горация (*Hor. Carm. II, 9*), помещенный в предисловии к его переводу новолатинского романа Джона Баркли «Аргенида» (1621)¹¹³,

¹¹² См. подробнее: Дрейдж Ч. Л. Алкеева строфа в русской поэзии // Славянский стих. VII: Лингвистика и структура стиха / под ред. М. Л. Гаспарова, Т. В. Скулачевой. М., 2004. С. 59–74; Алексеева Н. Ю. Русская ода. С. 207–211.

¹¹³ Привожу лишь первую строфу:

Не всегда дожди льют наводнение;
Ни в морях от бурь завсе волнение;
С полгода лед в странах Армянских;
Ветр престаёт на горах Гарганских.

(Аргенида. Повесть героическая, сочиненная Иоанном Барклаем, а с латинского на словено-русский переведенная и митологическими изъяснениями умноженная от Василия Тредьяковского, профессора элоквенции и члена Императорской Академии наук. СПб., 1751. Т. 1. С. LXXX; Третьяковский В. К. Избранные произведения. С. 145–146).

и «Оду горацянскую» А. П. Сумарокова (1754; опубл. 1758).¹¹⁴ И хотя поэты не были едины в понимании стоявших перед ними метрических задач, они сходились в мнении об уместности рифм в аллеевых строфах. Трелиаковский цезурирует аллеевы одиннадцатисложники, следуя Горацию, Сумароков же, отказываясь в них от регулярной цезуры, приближается к греческому варианту.

Русский логаядический аналог для горацянского извода аллеевой строфы создает А. Х. Востоков в оригинальном стихотворении «К Борею» («Борей! доколе будешь свирепствовать?..»; опубл. 1803) и в переводах двух од латинского поэта (*Hor. Carm. II, 19; III, 29*): «Похвала Вакху» («Я видел Вакха! (веруй, потомство, мне!)...»; 1-я ред. опубл. 1803; 2-я ред. опубл. 1805) и «К Мecenату, о спокойствии духа» («Премудро скрыли боги грядущее...»; опубл. 1806).¹¹⁵ В них Востоков использовал цезурированный на римский лад аллеев одиннадцатисложник (∪ × ∪ ' ∪ / ' ∪ ∪ ' ∪ ×); клаузулы не зарифмованы. Публикуя во второй части «Опытов лирических» шесть переводов из Горация, Востоков не без робости писал о передаче «механизма стихов» в них (то есть имея в виду как раз свои логаяды) и допускал, «может быть, слишком рабское» следование подлиннику.¹¹⁶ Следует ли поэтому удивляться, что Востоков

¹¹⁴ Стихи были сочинены на рождение будущего императора Павла I:

Скажи свое веселье, Нева, ты мне,

Что сталося за счастье сей стране?

Здесь молния, играя, блещет,

Радостны громы селитра мечет.

(Сочинения и переводы, к пользе и увеселению служащие. 1758. Май. С. 475–477; *Сумароков А. П. Избранные произведения* / вступ. статья, подгот. текста и примеч. П. Н. Беркова. Л., 1957. С. 100–101).

¹¹⁵ *Востоков А. Х. Стихотворения* / вступ. статья и коммент. В. Н. Орлова. Л., 1935. С. 130–131, 132–133, 165–166.

¹¹⁶ «Здесь шесть Горациевых од, из коих пятая переведена размером подлинника, прочие все ямбическими стихами. Но в 1-ой и 3-ей оде хотел, однако, переводчик соблюсти и в ямбах форму алцейской и сафической строфы. Он (Востоков пишет о себе в третьем лице. — *К. Л.-Д.*) перевел Горация не как мастер,

не становится приверженцем только лишь логаядических переложений Горация? Достаточно указать, что даже в этой подборке два перевода выполнены рифмованным четырехстопным ямбом, хотя первое в оригинале написано алкеевой строфой, а второе — сапфической: «К Аполлону, или Желания поэта» («О чем в Аполлоновом храме...») и «К Лицинию, о средственности» («Равно несчастны, о Лициний...»).

Столь же двойственной была позиция А. Ф. Мерзлякова. Так, он избрал силлабо-тонические логаяды с некоторыми, впрочем, нарушениями «эквиритмичности» для перевода восьми од Горация, написанных алкеевыми строфами.¹¹⁷ При этом среди его переводов имеются интереснейшие примеры эквисиллабических, но не «эквиритмических» алкеевой и сапфической строф, предваряемые для удобства читателя оригинальными авторскими схемами.¹¹⁸ И в то же время, обращаясь к другим одам Горация, Мерзляков пользовался равностопными силлабо-тоническими размерами и не чуждался рифм. Подобные переложения Горация во второй трети XIX века становятся все более многочисленными (М. А. Дмитриев, А. Н. Майков, И. П. Крешев, В. В. Крестовский, П. И. Вейнберг, В. С. Филимонов и др.).

А. А. Фет, переводя Горация, использовал в подавляющем большинстве случаев рифмованную силлабо-тонику. Пример логаядического перевода имеется лишь один — «Если б ты хоть раз наказанье злое...» (*Hor. Carm. II, 8*); это сапфические строфы со свободной цезурой. Отстаивая свою точку зрения в полемике с С. Д. Шестаковым,

а как ученик. Не имел иного руководителя, кроме некоторых книг, придерживался он, может быть, слишком рабски подлинника своего: в вещах побочных, в механизме стихов» (Опыты лирические и другие мелкие сочинения в стихах А. Востокова. СПб., 1806. Ч. 2. С. 77).

¹¹⁷ Мерзляков А. Ф. Подражания и переводы из греческих и латинских стихотворцев. М., 1826. Ч. 2. С. 106–107, 122–124, 127–129, 133–136, 141–142, 143–144, 145–146.

¹¹⁸ Об особенностях обращения Мерзлякова с логаядическими строфами см.: Busch W. Horaz in Russland. Studien und Materialien. München, 1964. S. 116.

поэт основывался прежде всего на мнении о чуждости логоэдических форм стихии родного языка: «Сочинять Горация, исказить произвольной формой, или, с другой стороны, опошлять буквальным переводом, заставив русский язык хромать по несвойственным ему асклепиадам, архилохам, пифиямбикам и т. д., я не мог решиться».¹¹⁹

Переводы из Горация в последнюю треть XIX века можно перечислить по пальцам. Особняком среди них стоит полный силлаботонический рифмованный перевод од Горация, выполненный рано скончавшимся П. Ф. Порфиоровым (1870–1903) и удостоенный почетного отзыва Академии наук, — издание, во многих отношениях завершающее целую эпоху постижения римского поэта.¹²⁰

В академических кругах во второй половине XIX века скепсис в отношении логоэдических переводов был силен в России не менее, чем в Германии; основой его, как кажется, была убежденность в принципиальной непереводаемости количественных размеров в качественные, а потому и уверенность в тщетности подобных попыток.¹²¹ Так, когда Вяч. Иванов в июне 1899 года вел переговоры с В. К. Эрнштедтом, тот, хотя и принял к напечатанию его логоэдический перевод Первой Пифийской оды Пиндара в «Жур-

¹¹⁹ Фет А. А. Ответ на статью «Русского вестника» об «Одах Горация» // Отечественные записки. 1856. № 6. С. 246. См. подробнее: Успенская А. В. Античность в русской поэзии второй половины XIX века. СПб., 2005. С. 243–247.

¹²⁰ Кв. Гораций Флакк. Оды / пер. в стихах с примеч. [и вступ. статьей] П. Порфиорова: [4 кн.]. СПб., 1898–1902. [Т.] 1–3.

¹²¹ «Эквиритмические» переводы из Горация, напечатанные во второй половине XIX столетия в академических или педагогических журналах, крайне немногочисленны, да и почти все из них опубликованы в последнее пятилетие века: Н. Ф. Фокков («Я воздвиг монумент, бронз вековечнее...», 1873; *Hor. Carm. III, 30*; малый асклепиадов стих), Ф. Е. Корш («Увы, о Постум, Постум! Летучие...», 1896; *Hor. Carm. II, 14*; алкеева строфа), В. Г. Зубков («Не разведывай ты (знать это грех), мне и тебе какой...», 1898; *Hor. Carm. III, 11*; большой асклепиадов стих; «Фуск, чья жизнь чиста, кто злодейств не знает...», 1898; *Hor. Carm. III, 22*; сапфическая строфа), И. Автократов («Дорог был я пока тебе...», 1898; *Hor. Carm. III, 9*; гликоной и малый асклепиадов стих).

нале Министерства народного просвещения», посчитал своим долгом отметить, что сам он «принципиально против подражания античным размерам».¹²² Академик Ф. Е. Корш, прекрасный знаток античной метрики, с которым Вяч. Иванов имел дело в связи с несуществвавшей антологией древнегреческой поэзии в издательстве Сабашниковых, в целом весьма скептически относился к традиции логэдического перевода, а в своей практике переложений из древнегреческих поэтов предпочитал силлабо-тонику,¹²³ что даже спровоцировало конфликт между Коршем и Ивановым в середине ноября 1914 года.¹²⁴

Как уже указано выше, в «Кормчие Звезды» (1903) вошло три стихотворения, написанных алкеевой строфой («Пэстумский храм», «Молитва Камилла» и «Довольно!»). Еще одно, «Пожар», находим в сборнике «Эрос» (1907; перепечатано в части первой «Cor Ardens», 1911). Во всех этих стихотворениях алкеев одиннадцатисложник цезурирован; позднее, переводя Алкея, Вяч. Иванов продолжает следовать этой традиции, не приближая свои алкеевы строфы в греческому протообразцу. Считал ли поэт русскую аудиторию недостаточно подготовленной для восприятия «исконного» варианта алкеевой строфы или руководствовался иными соображениями, остается только догадываться.

В годы, предшествовавшие появлению «Алкея и Сафо», число «эквиритмических» имитаций античных логэдов резко возрастает: в издаваемом с 1908 года журнале «Гермес» появляются переводы из Горация Н. С. Гинцбурга (1910–1914; шесть переводов алкеевой

¹²² *Иванов Вячеслав, Зиновьева-Аннибал Лидия*. Переписка: 1894–1903. Т. 1. С. 608 (подлинник письма по-итальянски).

¹²³ Единственный «эквиритмический» перевод Ф. Е. Корша из Горация воспроизводит алкееву строфу после значительного перерыва в практике таких переложений («Увы, о Постум, Постум! Летучие...»; *Hor. Carm. II, 14*; 1896).

¹²⁴ *Ланно-Данилевский К. Ю.* Переводы Вяч. Иванова, предназначавшиеся для антологии «Греческие лирики в русских стихотворных переводах» Ф. Е. Корша и В. О. Нилендера. С. 184–187.

и сапфической строфами, а также большим и малым асклепиадовым стихом), Н. Н. Павлиновой (1911; три перевода сапфической строфой и большим асклепиадовым стихом), К. Котельникова (1911; малый асклепиадов стих), В. Я. Брюсова (1913; малый асклепиадов стих), В. М. Мелиоранского (1913; три перевода алкеевой строфой), Згадай-Северского (С. В. Завадского; 1913–1914; пять переводов алкеевой и сапфической строфами). Еще более интересным явлением стала книга стихов «Гимны и оды» (1910) Модеста Гофмана, входившего поначалу в круг Вячеслава Иванова; она содержала как переводы, так и оригинальные стихотворения, написанные логоэдами.

В 1915–1917 годах число «эквиритмических» переводов еще более увеличилось. Прежде всего следует упомянуть оды Горация в переводе А. П. Семенова-Тян-Шанского, книгу Саффо в переводе В. В. Вересаева и вышедшие на новый уровень сложности хоровые партии в трагедиях Софокла в переводе Ф. Ф. Зелинского.

«Алкей и Сафо» и русская переводческая традиция XX столетия

Взявшись за перевод почти полных на тот момент корпусов поэзии Алкея и Саффо, Вяч. Иванов принимал куда более серьезные вызовы, чем «воссоздание» двух наиболее частотных строф (алкеевой и сапфической), а именно: ему пришлось взяться за «эквиритмическую» передачу размеров, которые русской традиции были порой еще неведомы и особенности которых было крайне сложно воспроизвести средствами родного языка в силу его иной фонетической природы. Таких, как, например, восходящие ионики (∪ ∪ – –), где вслед за двумя безударными на протяжении строки необходимо располагать по два ударных слога, или антиспасты (∪ – – ∪), где два ударных слога должны оказаться в центре четырехсложной стопы, или же хориямбы (– ∪ ∪ –) — основной «строительный материал» эолийских колонов. Кроме того, Вяч. Иванову предстояло иметь

дело не только с основными эолийскими колонами, но главным образом с их вариациями, возникавшими в итоге их многообразных расширений. Осложняло задачу и то, что почти все тексты сохранились в неполном виде, а от многих остались лишь крохотные фрагменты, так что их метры в изданиях, которыми он пользовался, разгадывались гипотетически и не было полной уверенности в том, что они распознаны верно.

В основном пользуясь самым авторитетным компендиумом тех лет, антологией Э. Хиллера – О. Крузиуса, Вяч. Иванов в работе более всего полагался на свое прекрасное знание древнегреческого языка и метрики, а также на художественную интуицию. Поэт обращал внимание и на более поздние интерпретации, хотя, как показал Э. В. Диль, Вяч. Иванов не был в курсе всех новейших научных публикаций, релевантных для его работы.

В отличие от коллег по научному цеху, Вяч. Иванов не излагал своих размышлений о метрике переведенных им текстов в аргументативной форме, но являл их в плоти своих переложений. И хотя благодаря гимназическому образованию и сопряженному с ним изучению древних языков русская читательская аудитория начала XX века была в целом, пожалуй, более, чем когда-либо, подготовлена к восприятию столь новаторской книги, как «Алкей и Сафо», читатели ее первого и второго издания, не имевшие возможности соотнести русский текст с научными изданиями греческих оригиналов (а такие читатели составляли и составляют подавляющее большинство), не могли в полной мере оценить недостатки и достоинства переводов Вяч. Иванова. В книге отсутствовали и какие-либо пояснения их метрики, для подавляющей части аудитории, взрослой на силлабо-тонике, прямо скажем, вполне экзотической.

Ключ к пониманию свершенного Вяч. Ивановым был предложен в рецензии В. В. Вересаева 1915 года и в отзыве Э. В. Дили 1916 года. Помимо прочего, в них «Алкей и Сафо» были соотнесены с уровнем знаний начала XX века о стихотворном наследии эолийских меликов.

Но перед современным читателем встает еще одна проблема: за истекшее столетие научное понимание их творчества претерпело значительные изменения, а взгляд на некоторые стихотворения радикально изменился. Прежде всего, благодаря позднейшим папирусным находкам корпус текстов Алкея и Сапфо стал более аутентичным: он дополнен новыми стихами и фрагментами, уточнены тексты давно известные, отвергнуты многие прежние конъектуры и прочтения, а фрагменты, ранее объединявшиеся их издателями в единое целое, ныне разведены. Кроме того, благодаря труду нескольких поколений ученых значительно изменился взгляд на греческую метрику, а также на язык ее описания, в связи с чем особенные заслуги принадлежат Паулю Маасу (1880–1964) и Бруно Снеллю (1896–1986).

В комментариях к настоящему изданию С. А. Завьялов, продолжая сделанное Вересаевым и Дилем, ставит перед собой еще одну важную задачу, а именно: соотнести переведенные Вяч. Ивановым тексты с современной всесторонней трактовкой их греческих оригиналов. В ряде случаев эти последние также значительно возросли в объеме, что побудило ввести в данное издание их прозаические переводы. Вся эта информация, согласно нашему замыслу, должна помочь каждому из читателей самому ответить на вопросы: насколько точно переданы лирические ситуации и метры Алкея и Сапфо? насколько Вяч. Иванов был в плену знаний своего времени об их текстах? когда он их игнорировал и когда, может быть, даже их и превзошел?

Выше уже сформулирован наш взгляд на «Алкея и Сафо» Вяч. Иванова как на прочувствованное, но порой и весьма своеобразное *прочтение* стихов эолийских поэтов. Это своеобразие дает себя знать и в домыслах, которые позволял себе поэт, и в анахроническом цитировании русской классики, и в фольклоризации ряда отрывков, и в рискованных сближениях древних культов и христианства, к которым он подталкивает своих читателей, — но как раз во всем этом ярко проявилась поэтическая индивидуальность Вяч. Иванова

и запечатлела себя его эпоха, эпоха Серебряного века, ибо всякий художественный перевод (особенно поэтический) двойственен по своей природе: с одной стороны, он предстатель в иной литературе текста (а одновременно и целого текстурального массива чужеземного автора и целой литературы, к которой тот принадлежит), с другой стороны — он явление этой иной литературы в иную эпоху, и переводчик вправе встраивать свои создания в новый контекст по своему усмотрению. Насколько удачными и оправданными были эти решения Вяч. Иванова, каждый из читателей должен решить сам.

Как у явления русской поэзии у переводов Вяч. Иванова из Алкея и Сапфо есть огромная неоспоримая заслуга, заключающаяся в том, что они обогатили отечественную поэзию обширным арсеналом λογαэдических метров и ритмов. Именно метрическое богатство и стилистическое единство этих переводов привели к тому, что они заняли почетное место в золотом фонде русской литературы. В то же время арсенал метров и ритмов, предложенный в них, оказался востребован переводчиками античной поэзии и столь успешно применен в дальнейшем, что λογαэдические переложения древнегреческой и латинской лирики по сей день доминируют в России (новейшие ее переводы свободным стихом крайне немногочисленны).¹²⁵ Как ни парадоксально, в этом эпохальном для истории русского переводческого мастерства утверждении λογαэдических принципов при передаче эолийских размеров, состоявшемся в 1910-е годы, Вяч. Иванов оказался соратником и единомышленником В. В. Вересаева, своего антагониста почти во всех других отношениях.

К. Ю. Лапто-Данилевский

¹²⁵ Метрическое богатство стало и одной из главных причин того, что вскоре после выхода *АС*, из печати многие переводы Вяч. Иванова из Сапфо были положены на музыку М. Ф. Гнесиным, А. С. Лурье, В. Я. Шебалиным, А. А. Шеншиным (см. подробнее: *Поэзия Вячеслава Иванова в русской музыке: Нотографический справочник прижизненных публикаций: 1913–1948* / сост. П. В. Дмитриев. СПб., 2013).